

18+

Галина Губайдуллина

**Квакеры
«Создатели рая»**

Галина Губайдуллина

Квакеры «Создатели рая»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63522582

ISBN 9785005192745

Аннотация

Религиозные фанатики мечтают построить город без насилия в братской любви со всеми народами, с индейцами в том числе. Но сами хитростью отнимают земли индейцев. И в их городе Филадельфии также происходят все грехи: убийства, жадность, гордыня... Индеец-делававар из клана Индюков ворует дочь генерала, через некоторое время они возвращаются в Филадельфию...

Квакеры «Создатели рая»

Галина Губайдуллина

© Галина Губайдуллина, 2020

ISBN 978-5-0051-9274-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero 1.660 год. Северная Америка. Бостон. На эшафот ведут женщину с чистым, одухотворённым лицом, она смотрит на мир огромными глазами наивного ребёнка, в коих нет страха, а лишь смирение. К груди осуждённая прижимала книгу со священным писанием. Будто отъявленного разбойника с двух сторон её охраняли стражники в железных латах, держа наготове оголённые мечи.

– Куда катится страна и государственный устрой, если на казнь приговаривают женщину? – сказал кто-то из толпы.

– Но вместо того, чтобы рожать, эта дама пропагандировала ересь, – возразил другой голос мужчины.

– Что у вас за церковные устои, если их так легко может пошатнуть хрупкая, безобидная женщина?

1.668год. Ирландия, графство Корк, провинция Манстер, город Макрум. Роскошное поместье-замок Пэннов с назва-

нием Макрум.

Молодой человек двадцати четырёх лет по имени Уильям Пэнн прошёл в гостиную сразу после приезда из типографии. Войдя в комнату, он снял парик и поморщился. Кто придумал для господ это мучение? С широким лицом и глазами навывкате ему совсем не шло подобие кучерявой гривы. Мужчина провёл рукой по вспотевшему ёжику волос. Он отбросил это обязательное украшение для высшего сословия на близстоящую софу, его гость свой человек, и простит эту вольность.

Его друг и вдохновитель на квакерскую религию старик Джордж Фокс улыбался. Как у него получается улыбаться так простодушно и хитро одновременно?

Глава секты хвалил Пэнна:

– Твоя книга «Потрясение основ или Отказ от воскресного богослужения» вышла уже в этом, 1.668 году, и произвела фурор в обществе. Многие задумались об основах религии. Наше отвержение института священников и церковных таинств заинтересовало общественность. Мы проповедуем пацифизм и занимаемся благотворительностью, это тоже одобряет большинство.

– Это моя мечта – вывести людей на высшую степень сознания.

Подала голос появившаяся на пороге жена Пэнна Гарриет:

– Не все святые, Уильям. Может, смысл жизни в том, чтобы люди были разными, а не ангелами.

Женщину сопровождала служанка с разносом.

– Ты – глупая баба, все стремятся к совершенству, – одёрнул её муж.

Жена Пэнна села в кресло и слушала мужчин.

Служанка ставила чашки с чаем и печенье на стол перед мужчинами.

Фокс нахваливал её мужа:

– Если кто и выведет человечество на светлый путь добра, то это Вы, Пэнн. Не напрасно город и Ваш замок называется Макрум, в переводе с ирландского это означает – место встречи последователей Бога. Друиды здесь говорили с Богом Кромом. Непонимание и отторжение обывателей не должно нас пугать. Божественная рука направит нас! Полнота жизни проявляется только в служении людям, в великой цели.

– Согласен. Это и есть духовная социализация.

– Как бы на нас не объявили «охоту на ведьм», как в недавнюю гражданскую войну 1.642—1.651 годов, когда пуритане-парламентаристы противостояли церковникам-роялистам, во главе которых стоял архиепископ Кентерберийский Уильям Лод.

– Кровавые были времена... Досталось не только ведьмам, но и всем приверженцам малых религий. До 1.563 года в Англии вешали колдунов только тогда, когда те совершали убийство, а во время «охоты на ведьм» было повешено более тысячи ведьм просто по наветам соседей. К смертной казни

приговаривали за сущие пустяки: насылание порчи или приговор человека посредством деталей одежды, волосами, ногтями, потом, а также с помощью восковых фигур. А скольких высекли и покалечили! Лод нахвтался антипуританства от арминиан, когда учился в Оксфорде. Лод выступал против доктрины предопределения и всех форм пресвитерианства. Поделом ему голову отсекли за превышение полномочий.

Фокс предложил:

– Обратим безмолвную молитву перед едой к Богу нашему.

Помолчали.

Взгляд жены Пэнна недобро косился на гостя. Она несколько не уважала этого Фокса, сына ткача из Лестершира, работавшего долгое время простым сапожником в Фенни Дрейтоне, тогда как её муж был успешным военным, сыном адмирала, у которого занимал огромные суммы денег сам король. Некогда очень красивая брюнетка с огромными глазами, сейчас она сильно раздалась, но всё ещё старалась в угоду моде носить стильные платья.

– Почему ты, Фокс, не пускаешь никого из друзей в свой дом? – интересовался Уильям.

– Чтобы сохранить святость, надо держать людей на расстоянии, чтобы они не рассмотрели очевидного: я такой же человек, как все. А людям проще создавать кумиров для подражания.

– Жаль, но наше Общество Друзей всё чаще называют

квакеры от слова «трясущиеся». Какое-то несуразное название!

– Нас боятся, потому дали обидное прозвище. Сначала мы назывались «Дети Света», затем «Христианское общество друзей внутреннего Света», но сейчас нас называют просто «Общество Друзей». А «трясущимися» нас называют из-за того случая в суде, когда я воззвал судью трепетать перед именем Бога. Вот кто-то и обозвал меня «трясуном». То, что нас боятся говорят такие факты: с 1.659 по 1.661-ые годы в Новой Англии в Бостоне повесили миссионеров Мэри Дайер, Уильяма Ледре, Уильяма Робинсона и Мардьюка Стефенсона. У многих других выжгли клеймо, надели кандалы и заключили в тюрьму или высекли просмоленной верёвкой по голой спине.

– Папа, – робко с порога позвал ребёнок лет пяти.

– Патрик! Проходи, дорогой, – обрадовался Пэнн, протягивая руки к сыну.

Гость узнавал:

– Ты назвал сына в честь апостола и патрона Ирландии?

– Это просто имя, – отмахнулся хозяин, – Но мне нравится здесь, в Ирландии. Я благодарен отцу, который спасая меня от чумы в 1.665 году, отослал меня сюда. Здесь я впервые услышал проповеди квакера Лое и вдохновился идеей реформации церкви.

Мальчик прижался к отцу.

– Я скучаю по Питеру, – шептал ребёнок.

У главы семьи выступили слёзы на глаза.

– Я тоже скучаю по нему...

– Закон выживания любого вида: больные, слабые физически особи вымирают. Но у нас есть нечто большее, чем жизнь – бессмертная душа, – пытался успокоить мальчика гость Фокс.

– Джордж, не надо, это слишком больно, никто не хочет терять собственного ребёнка, – со слезами просил замолчать друга Уильям.

– Мама подарит мне другого брата?

– Наверяд ли. Она часто болеет последнее время, – вздохнул отец.

Жена Пэнна нервно соскочила с места и направилась к ребёнку.

Уильям Пэнн говорил сыну:

– Я хочу подарить тебе мир без войн, слёз и нищеты. Я хочу, чтоб нашему примеру последовали все.

Гарриет ехидно переспрашивала, забирая сына из рук отца:

– Но почему тогда власти убивают ваших последователей? Они, что, не видят исходящие от вас «свет и добро»?

– Правительству нужен запуганный народ, чтоб работал и не роптал, – заявил ей в лицо очевидный факт муж.

Женщина уводила ребёнка из комнаты, бормоча:

– Только идиоты ведут политику против государства себе во вред.

Уильям кричал ей в след:

– Да, давайте дадим ему клеймо «помешанный» или ещё лучше: «еретик», и сожжём, как Джордано Бруно, лишь бы он оставил в покое наш мирок, где истины давно устоялись!

– Истин может быть много, правда – одна! – парировала жена.

– Почему на меня объявлена охота? Я никого не убил и не ограбил.

– Ты ранишь души людей, – отвечала Гарриет, остановившись в проёме двери.

– Чем? Обещанием рая на земле?

– Посулом всех благ.

– Но разве люди не заслужили лучшей доли?

– Вот потому ты и ловишь легко людей в свои сети, ведь каждый хочет счастья.

– А моя возлюбленная Маргарет Фелл, меня понимает и поддерживает, – похвастал Джордж Фокс, – Она дала согласие, что в этом году разведётся с мужем-судьёй, а в будущем году станет моей женой. Я буду рад принять всех её детей.

– Конечно, она же одна из пылких почитательниц Вашего таланта, – вздохнул Уильям Пэнн.

Гарриет, будучи уже в коридоре, оглянулась на мужа и по своему пояснила:

– Недаром фамилия твоего гостя Фокс (лиса) – он хитёр и изворотлив.

Конец октября 1.682 года. Северная Америка. Новая Англия. Пенсильвания. Трактир «Король Пруссии» в одноимённом селении, что получило своё название от этого питейного заведения. Вокруг трактира росли в буйстве тополя, клёны серебристые и яснелистные. Кустарники переплёл дикий виноград.

Группа людей, одетых в дорогие одежды лордов зачарованно любовалась на бесчисленные стаи диких гусей, лебедей, журавлей, уток, цапель и других птиц, чьи тела качались на волнах реки Делавэр.

Трактирщик с пафосом говорил гостям:

– Каждый день прилетают новые стаи, эти отдохнут и тоже улетят на юг.

– Эти земли я назвал в честь своего доблестного отца-адмирала Пенсильвания – «леса Пэнна», – рассказывал тридцативосьмилетний Уильям Пэнн, любуясь видами, что позволял видеть размер окна, – Какое счастье, что среди бумаг отца я нашёл претензию к государству, королю Карлу Второму Стюарту ничего не оставалось делать, как выплатить свой огромный долг в шестнадцать тысяч фунтов стерлингов этой огромной колонией. Спасибо моему другу, брату короля – герцогу Якову Йоркскому, он помог убедить самодержавца. Я в юности служил с Яковом на флоте, мы вместе делили невзгоды и трудности путешествий. И вот 4 марта 1.681 года мне вручили бумаги на владение этими землями в Новом

Свете. Я выбрал именно эти земли потому, что наш идейный вдохновитель – Джордж Фокс был здесь в 1.671 году, и ему тут очень понравилось.

Губернатора сопровождали верные друзья и соратники: Колин Клинджел, его ровесник, которого основатель колонии Пэнн возвёл в чин генерала милиции, и Уильям Маркхэм, двоюродный брат Пэнна сорока двух лет, симпатичный мужчина с усталым видом. Маркхэм выехал кузену навстречу и встретил по пути. Пэнн отправлял его годом ранее в качестве личного представителя, заручиться поддержкой европейцев, что жили на купленной Пэнном территории и купить дополнительные земли у местных племён.

Генерал Клинджел имел статную фигуру и привлекательную внешность, скорее даже завлекательную для женщин. Его пышная русая шевелюра завязана в хвостик, а красивые глаза прогулялись по лицам всех женщин в зале, не смотря на то, что рядом за соседним столиком сидела его жена Нора, приветливость и любезность так и струились от этой некрасивой, но милой женщины. Когда-то Колину вдруг захотелось защитить смешную рыжую девчонку, над внешностью которой все потешались, и он, признанный красавец, на удивление всех взял её в жёны. И он не жалел об этом – из неё вышла отличная жена и заботливая мать. Вот только в отношениях всё было как-то пресно... и Колин не раз пользовался своей неотразимостью и популярностью у женщин. Но сейчас он дал зарок другу Уильяму и жене не чу-

дить, а стать истинным квакером, но привычка поглядывать по сторонам всё ещё не искоренилась, и Клинджел плотоядно поглядывал на официанток.

Рядом с Норой Клинджел сидели дочери. Простоватая, ширококостная шатенка Айрис пятнадцати лет. Широкие брови, что нависали над её бровями, как у отца, придавали выражению девичьего лица некую суровость. Средней Линде семнадцать лет, она блондинка, её спокойные черты лица можно назвать посредственными. И старшая Шейла восемнадцати лет особа – броская красавица-блондинка, на её фоне просто миловидные сёстры смотрелись убого. Девушка осознавала своё превосходство, и держалась надменно. Пэнн пожалел, что его сын Патрик отстал на другом корабле далеко позади и не видит такой красивой девицы на выданье. Жена Уильяма Пэнна, Гарриет, как всегда рассорилась с мужем, но всё же последовала за ним в новые земли, но в запале злости с сыном села на другой корабль.

Колин Клинджел, сделав большой глоток пива, выдвинул своё мнение о поступке короля:

– Дав нам колонию, властитель Англии, может, таким образом помышляет избавиться от всех квакеров. Думает, все побегут в Пенсильванию. Квакеров стало значительно больше после того, как из Манчестера пришла чума, а правительство подняло налог джентри так, что крестьяне не имели ни хлеба, ни семян. Общество Друзей многие даже стали называть: религия после чумы.

– Наша колония должна разрастись гораздо быстрее остальных. Мы национально терпимы буквально ко всем, даём религиозную свободу любым деноминациям. Ведь мы первые в мире дали женщинам равноправие. К нам хлынут все вдовы и другие притеснённые женщины, – радовался Пэнн.

– Нелепо было и думать, что женщина – неполноценный человек! Пусть имеет право голоса. Даже пусть женщины идут работать, если хотят! – горячо поддержал Клинджел.

– Я тоже уверен, что легенду о Лилит придумали женоненавистники, – поддакнул Маркхэм.

– Мама, кто такая Лилит? – шёпотом спросила Айрис.

– Первая жена Адама. Бог создал их равными, из одной глины. И Лилит не прекращала ссор, не признавая главенства мужчины. Она бросила мужа. Бог послал за ней трёх ангелов, но Лилит отказалась вернуться. По одним легендам, она вышла замуж за Каина и стала матерью демонов и вампиров, по другим обратилась в прах ещё до сотворения Евы, – поясняла Нора.

– Первым делом надо оставить семьи в этой деревне, а самим объехать наши поселения Пенсвил, Честер, Льюистаун и другие. Надо поговорить с соседними племенами индейцев: пусть приходят жить в наши деревни или продают нам как можно больше земель, – заявил Пэнн друзьям, – Я лично поднимусь вверх по реке Делавэр.

– Делимитация границ с индейцами – верный шаг, – по-

хвалил кузена Маркхэм, – Иначе войны с туземцами не избежать. В крупном, индейском селении Шакамаксон – очень влиятельное и богатое племя. Пока они не видели неудобств и притеснений со стороны белых, потому с удовольствием торгуют и даже отдают своих девушек в жёны приезжим. Многие умеют говорить по-английски.

– Прекрасно! – обрадовался Уильям Пэнн и размышлял дальше, – Чтоб показать свою братскую любовь ко всем народам, возведём новое поселение неподалёку от дружественного племени делаваров и назовём Филадельфия (братская любовь). Но надо подумать и о законах, любая политика замешана на крови, нам не удастся избежать проблем без крепкой власти. Закон должен упираться на силу. Нужна полиция или милиция, можно даже придумать новое название блюстителям порядка, факт не в этом, а в том, чтобы не было произвола. Это необходимая мера на первое время, а после, я уверен, лучшая половина души у наших квакеров победит над тёмной стороной порока.

– Вопросы правосудия всегда будут резко вставать ребром. Потому судьи должны быть избраны из числа католиков или протестантов, но никак не квакеров, которые и букашку-то обидеть не могут, – вставил Клинджел, беседуя, он поглаживал подбородок.

– Я написал первую версию конституции для нашей колонии, – с гордой улыбкой сообщил Пэнн, – Я уверен: скоро очень много людей поймёт, какое чудесное общество

мы строим, все оценят наши достижения, к нам потянутся со всей Земли, и вся Америка наполнится благодатью.

– Мир любви и взаимопомощи – неплохо звучит, – мечтательно протянул Маркхэм.

– Жизнь в мире без войн, – вторил Клинджел, – Наши воины будут только контролировать границы угодий.

Пристально глядя на красавца Колина, Уильям Пэнн провозглашал:

– Мотивация духовного возрождения должна заключаться в примере наших идеальных взаимоотношений внутри семьи. Мы должны стать не только духовными лидерами, но и выступать образцом поведения и подражания.

Уильям Маркхэм поддакивал:

– Согласен. Наши взгляды на жизнь должны прочно войти в интроекцию индивидуумов, их виденье истин должны соответствовать лучшим критериям добропорядочности.

Шейла спросила у сестёр:

– Вы верите, что мы попадём в рай на Земле?

– Конечно, раз так сказал папа. Он устроит для нас безбедную, защищённую жизнь, – зашебетала Линда.

– Как можно во всём полагаться на чужое мнение? – хмыкнула старшая, – Рая на Земле быть не может. Не те времена, и люди не те.

– Ещё увидим, кто прав, – горячо заступалась за отца средняя, – Ты, Шелл, будешь посрамлена в своём неверии.

Нора с удивлением смотрела на свою старшую дочь.

– Вот такие, как ты, Шелли, и препятствуют новаторским, революционным движениям, – высказала мать своё мнение ей.

Трактирщик, наконец, принёс джентльменам и их дамам заказанные блюда.

Пэнн шёл по улицам поселения и здоровался со всеми. Никто в ответ не снимал шляпу и не кланялся – квакеры упразднили этот обычай, как пережиток прошлого, уравнивая всех в правах.

– Как приятно быть всем просто соседом, – радостно говорил глава секты кузену, – Как хорошо, что мы отрицаем титулы, звания и привилегии. Мы просто друзья всем.

Клинджел крикнул местным сорванцам-хулиганам:

– Эй, мальчишки! Не обижайте девчонок, не дёргайте их за косички! Девчонки вырастут – и пригодятся!

Мужчины расхохотались, переглядываясь.

– Какие опрятные, новые домики у крестьян, – восхищался Пэнн.

– Вы восхищаетесь аккуратными домиками, я же сразу представляю, как тяжёлый труд тех, кто возделывает землю вокруг этих милых строений, – подал голос Маркхэм.

– Вон идут пассажиры с корабля, на котором мы приехали. Я разговаривал со многими ещё на корабле, большинство желает купить землю, – кивнул Колин Клинджел в сторону толпы людей, – Кроме наших приверженцев квакеров среди

них много простых английских рабочих.

Пэнн подождал, когда иммигранты приблизятся. Семья Клинджела вместе со слугами тоже терпеливо остановилась, дожидаясь главу семьи.

– Вас приветствует губернатор колонии и полноправный манор Уильям Пэнн! – громогласно объявил самый главный человек этой земли, – Здесь будет центр зарождения демократии и независимости!

– Мистер Пэнн, я сбежала от мужа, который бил меня. У меня нет ни денег, ни продуктов... – жалобно доложила одна из приезжих, темноволосая женщина со слегка раскосыми глазами и маленьким носиком, за руку её держал мальчик лет семи.

Одежда женщины говорила о ней, как о даме с достатком.

– Мы поможем Вам, миссис... – пообещал Пэнн.

– Миссис Ферджи Уэллинг, – представилась женщина.

Глава колонии дал распоряжение кузену:

– Уилл, запиши в книгу расходов в статью кошт (расходы на иждивение) данные этой приезжей и выдели полагающуюся сумму.

– Занимаетесь филантропией? – раздался голос из толпы.

– Не только. Ещё даём ссуды. С кем имею честь говорить?

– Сэр Рассел Дафф, – вышел вперёд молодцеватый, крепкий мужчина.

– У нас нет титулов, мистер Дафф. Так вот: я забочусь о вновь прибывших, обеспечиваю также престарелых, если

те остаются без поддержки родни. Пока я был в Англии, этими делами занимался мой кузен Маркхэм, и нареканий на его счёт я пока не слышал.

– Похвально. Но так Вы разоритесь, ведь всех денег мира не хватит накормить всех сырых и убогих.

– А это что за фетишист? – не придавая значения словам Даффа, Пэнн переключил внимание на другого мужчину, у которого кроме распятия на груди болталась ещё и кроличья лапка.

– Как Вы меня назвали? – выпучил глаза человек лет тридцати, что пребывал в изрядном подпитии, – Каким таким извращенцем?

– Фетишист – это тот, кто верит в амулеты и обереги, – пояснил манор.

– Я верю во Христа.

– Что-то Вы не похожи на человека, рвущегося к преображению мира, вон, с утра уже пьяны. И часто Вы в таком состоянии?

– Мой муж малопьющий, сэр, – вступилась за него миловидная супруга, что держала за руку мальчика лет девяти.

– Миссис имеет в виду, что её муж пьёт, пьёт, а ему всё мало, – хохотнул кто-то из приезжих мужчин.

– Да я в работе – бык! – взревел парень.

По его физиономии читалось, что и ряд поколений предков не блистали умом.

– У Вас есть средства для покупки земли?

– Да! – гордо заявил подвыпивший, – Я, Вуди Стингер, обеспечиваю свою семью!

Клинджел обратил внимание друзей на девушку лет двадцати с накрученными у висков чёрными кудрями и ярко подведёнными глазами, полушёпотом выражая своё мнение.

– Эта женщина приехала сюда торговать собой.

– С чего ты взял?

– У меня на таких девиц чутьё. Да присмотритесь сами! Признак распущенности – дерзкий взгляд, нагло разглядывающий с ног до головы, будто оценивает, сколько мы заплатим.

Девушка заметила любопытные взгляды богатых мужчин и ехидненькая усмешка скривила её губы вправо. Она томно, как бы в задумчивости, обвела пальцем свою родинку у левого глаза.

– Вас как зовут, мисс? – отважился спросить Маркхэм.

– Нэнси Дэльвин. Я приехала начать новую жизнь.

– Мы должны дать даме шанс, – кивнул Пэнн.

– Но ей будет нелегко забыть свои манеры и привычки, – усмехнулся Колин Клинджел, – Кокетство так и лезет из неё.

Приезжие мужчины разглядывали дочерей генерала.

Один из парней, добротнo, но небрежно одетый, с вздыбленными в немыслимую причёску волосами, посетовал:

– Квакеры сами застёгиваются на все пуговицы, ещё и женщин своих закутывают по самые уши.

Ему вторил другой юноша, Джеймс Логен, одетый, как

денди:

– Знатные дамы на Евразийском континенте давным-давно выставляют напоказ локти и декольте, здесь же время отбросило дам в Средневековье.

– Вообще, как можно быть пуританином, когда вокруг столько красивых девушек? – удивлялся вёрткий малый.

Клинджел подошёл к парню-растрёпе.

– Вы – Сэмюель Мэтью Элфорд, и я слышал, служили офицером в Африке?

– Да. Но теперь я неистовый приверженец новой религии, – эта категоричность говорила о том, что Элфорд не собирается применять оружие против людей.

На его лице было два шрама, один пересекал правую щёку, другой продолговатой ямкой лёг на низ подбородка. Высокий лоб говорил о тяге к знаниям.

– А я хотел пригласить Вас в свой полк... – с досадой протянул генерал.

– Я хочу стать служащим и попутно изучать культуру местных аборигенов.

– Мы как раз хотели бесплатно обучать индейцев грамоте! – обрадовался Маркхэм, – Вам, наверное, интересно будет общаться с местными каждый день! А индейцы, как дети, любознательны и пытливы.

– Да, это будет, наверное, очень занимательно.

А что это Вы, мистер Элфорд, на моих дочерей поглядываете? Жениться думаете? – весело спросил Клинджел.

– Жена – это что-то лишнее, ненужное, – заявил парень и красноречиво глянул в сторону Ненси Дэльвин.

– Ох, озорник, а ведь квакеры порицают связь с людьми другой религии и отношения без брака, за это мы будем исключать из своих рядов, – пугал Пэнн.

«Да вы и не узнаете», – усмехаясь, подумал Сэмюель.

Распределив приезжих, переговорив со многими, главы колонии пошли на ужин к Маркхэму.

Яркая внешность брюнетки-жены Маркхэма притягивала взгляды. Молодая женщина тридцати пяти лет живо размахивала руками при разговоре, сновала между мужем и гостями, всё время что-то весело щебеча.

И между делом поругивала мужа:

– Уильям, у тебя кризис со свободным временем! Мы тебя видим только перед сном!

– О, узнаю нашу милую Миту, – улыбался Пэнн, – Когда она появляется, то приносит с собой тайфун.

Из дверей выпорхнула девушка лет восемнадцати, чмокнула Маркхэма в щёку.

Она также укоряла его:

– Ах, папа, как ты оброс! Хочешь походить на русских мужиков? Но здесь нет таких сильных морозов, так что ношение бороды нецелесообразно.

– Мэри, я совсем закрутился, исправлюсь, – отмахнулся

отец.

Девушка носила непомерно длинную чёлку, что свисала редкими сосульками, слегка прикрывая глаза, их необычайный, серо-коричневый цвет был очень бледен, и создавал контраст с чёрными волосами. У отца же такой цвет глаз с русыми волосами не вызывал такого эффекта.

К вошедшим выскочила девочка лет шести.

– А чей это зайчик-непоседа? – ласково заворковал Маркхэм, протягивая руки к ребёнку.

– Папа, тебя так долго не было, что ты успел забыть о своей Альфредии! – потупилась девочка.

Младшая дочь была прелестным ребёнком с тёмными глазами, как у матери и светлыми волосами отца.

Усаживаясь за стол, глава семьи ворчал на Мэри:

– Что за мода носить такую длинную чёлку? Испортишь зрение.

– Но мама же носит, – оправдывалась девушка.

– Мама убирает чёлку набок, ты же затеняешь глаза.

Ковыряя вилкой шпинат, Альфредия поинтересовалась:

– После полезного, мне дадут что-нибудь вкусное?

– Это бесчеловечно обрекать ребёнка есть это чудовищное месиво, – вскинулся на прислугу Маркхэм, – Принесите Альфредии сразу горячие блюда.

– И бисквитов побольше захватите! – крикнула вдогонку слуге девочка.

– Ты балуешь младшую дочь, – упрекала мужа Мита.

Глава дома обратился к старшей дочери:

– Ты могла бы обучать индейцев грамоте.

– Одной стоять перед толпой дикарей? – крайне удивилась дочь.

– Женщине тяжело и страшно выходить в большой мир, – вздохнул Колин Клинджел.

– Иди-иди, никто там тебя не съест, – подначивал Пэнн.

– Прилично ли вообще находиться высокородной даме в обществе простолюдинов? – не поощряла мужа Мита.

– Мы провозгласили равенство между женщинами и мужчинами. И я, как правая рука главы колонии должен на личном примере моей семьи показать и подтвердить право женщин на труд, – заявлял отец.

– И ты в школе будешь не одна, в соседнем классе будет вести занятия бывший офицер, служивший в Африке, – успокаивал девушку Клинджел.

– А, что, чем сидеть дома, лучше общаться с дикими племенами, – вскинулась Мэри.

– Мы выведем этих людей из мрака неведения, и никто их уже не назовёт дикарями, – поправил дочь Уильям Маркхэм, – Это же прекрасно делиться знаниями со всеми.

– И ты не первая из женщин-преподавателей, – сообщал Пэнн, – Прекрасная Филиста, профессор медицины в Древнем Риме, пряталась от студентов за занавеской, когда читала лекции, так как юноши засыпали её стихами с признаниями в любви.

– Вот и тебе советую преподавать из-за шторки, – сказала мать.

– Глупости. Я хочу читать в глазах учеников, нравится ли им наука. Иначе, как я узнаю, спят они на уроке или смеются над моими рассказами?

– Хотя... будешь на виду у города, глядишь, и жених сразу сыщется, – вздохнула Мита.

Мэри насупилась, выговаривая матери:

– Вам уже не терпится скорей спихнуть меня в руки чужому мужчине.

– И я не хочу быть невестой, – заявила Альфредия.

– Почему же? – удивлённо вопрошали мужчины.

– Утомительно и хлопотно. Сиди и переживай: какой завтра у меня муж будет? А вдруг из красавца он превратится в ругающегося толстяка?

Гости расхохотались.

– Фрэдди, съешь ещё кусочек бисквита, – уговаривал отец младшую дочь.

– Боюсь: лишняя еда будит давить на сердце, – с умным видом возразила девочка, – Я и так уже набила живот мясом и соком. Сердцу и так уже тяжело отпихивать эти продукты в сторону.

– А кого ты любишь больше? – с улыбкой узнавал Пэнн.

– Сестру. Она мои ноты сожгла.

Опять все смеялись.

Девочка продолжала объяснять:

– Мэри пожалела пианино, заявив, что ногами играют лучше, а мои завывания и вопли пугают её котика по кличке Животик.

– Вкусная была оленина, – похвалил кухню Маркхэмов Клинджел.

– Оленей к моему столу поставляет индеец по имени Шёпот Леса. Гордый такой, суровый парень, чрезвычайно красивый.

– Киса, ты обещал сменить мой гардероб, – напомнила Мита мужу, – Свози меня в Уилмингтон. Там город большой, товаров много...

– Сейчас у меня другие проблемы. Еду с кузеном в Шакамексон.

– Если у тебя нет средств содержать такую красивую женщину, так и скажи! – обиделась жена.

– Почему я должен ездить за твоими тряпками? Заведи себе подруг!

– Здесь нет женщин моего уровня! А когда приедет дорогуша Гарриет? – узнавала Мита.

– Уже скоро, – заверил Пэнн, он был недоволен, что родственница не хочет знаться с низким сословием, – А пока можешь общаться с женой и дочерьми генерала Клинджела.

– Завтра я вас представлю друг другу, приходите на обед, – пообещал Колин.

– Перед обедом состоится духовное собрание, где мы должны ознакомить новичков с нашей религией, – напомнил

Пэнн.

– Ой, с утра у меня много дел, я не приду, – предупредила жена Маркхэма.

Гости откланялись и вышли на улицу.

– Какая задавака эта Мита, – процедил Уильям Пэнн.

– Видимо Уиллу больше нравится быть не мужиком, а Кисой.

– Подкаблучник, – ругнул Пэнн двоюродного брата, хотя сам тоже не мог перетянуть жену в свою религию, но Гарриет всё же ходила на собрания, хоть и чисто для показухи.

– И Мита, видимо, совсем не хочет отказываться от украшений в одежде.

– А моя Гарриет ничего не хочет слышать о скудной мебелировки и скромной конской упряжи.

Уильям Маркхэм в это время устало отчитывал жену в её спальне:

– Как ты могла позорить меня перед верхом нашего общества? Нельзя было подождать, когда они уйдут и потом требовать новую одежду?

– А пусть тебе стыдно станет! Или ты хочешь, чтобы я, как ты, ходила в старье? Старомодная одежда говорит: мой обладатель скуп, консервативен и не заинтересован симпатиями слабого пола.

– Пусть хоть на мне экономится семейный бюджет, – пробовал отшутиться Уильям.

– Другие на такой должности воруют: будь здоров!

Ты же...

Мужчина угрюмо рассматривал, как плавают пузатые рыбки в аквариуме.

– Хватит пялиться на этих рыбок! Ты меня ими выводишь!

– Странно. Я завёл их, чтобы тебя успокаивать... Скажу слуге, чтоб перенёс аквариум в комнату Альфредии.

– Думаешь, из-за любви к рыбкам тебя будут считать большим оригиналом? И почему тебя не прибил твой папаша поэт Джервейз Маркхэм, когда ты отверг труд всей его жизни – перевод псалмов! Квакеры-сектанты ведь игнорируют эти благие песнопения.

Уильям молча вышел из комнаты.

Он вошёл в спальню Альфредии.

Наклонился, целуя ребёнка в щёку.

– Спокойной ночи, бесценная.

– Папа, я заметила, что цветочек на окне закрывается...

– Но ты же тоже перед сном глазки закрываешь.

– Так лепестки – это реснички растения?!

– Рыбки в аквариуме из спальни мамы будут стоять у тебя.

– Чудесно! Пап, а пап.

– Что?

– А русалки на зиму шубу надевают?

– Нет, на дне теплее.

– Пап, что-то спать совсем не хочется.

– Считай овец.

– А можно заснуть быстрее, если считать по две овцы сразу?

Маркхэм улыбнулся и взъерошил чёлку дочке.

– Рассказать сказку?

– Конечно!

Пэнн непонимающе поглядывал на жену, что сидела на диване в окружении кошек. Она с Патриком приехала поздно вечером, но с утра уже была на ногах.

– Ты не отдаёшь распоряжения по обустройству... – заикнулся муж о делах.

– Я не вижу пока нормального дома, подходящего для леди, вот и не расходуя зазря нервы и энергию.

– У тебя столько кошек... Это что-то патологическое. Я думал, ты не повезёшь этот выводок в Новый Свет.

– Эти звери меня любят. А человеку тоже надо кого-то обнимать, кому-то дарить ласку, любовь, внимание.

Намёк был на то, что супруги отдалились друг от друга.

Уильям Пэнн не отставал от патетики:

– Тогда я не понимаю, почему ты до сих пор не примкнула к квакерам, ведь мы, как раз, создаём общество с повышенным вниманием к проблемам людей.

– Я пробовала любить людей – не получилось, ещё больше привязалась к животным, – ехидничала Гарриет.

– Вот, ты сама призналась, что никого, кроме своих кошек не любишь, а требуешь от меня взаимных чувств. Нас при-

гласили на обед к Клинджелам.

– Вот, здесь мне придётся общаться с людьми, что рангом ниже меня.

– Здесь есть Маркхэмы, скоро приедут другие лорды...

– Что-то не верится, что знать хлынет в это забытое Богом место... Сюда будут стекаться одни купцы, крестьяне, авантюристы и святоши.

В комнату вошёл сын, крепкий и полноватый парень двадцати лет. На внешность он был неказист, как некогда его отец.

– Как отдохнул на новом месте? – с улыбкой спрашивал Пэнн-старший.

– Нормально. А ты, я слышал, надумал провести много-часовой доклад на генеральной ассамблее? Не забудь начать с фразы: «Буду краток», а то все разбегутся.

Жена тоже сразу воспользовалась моментом высказать Пэнну своё мнение:

– Не надо пытаться возвыситься над повседневностью жизни. Ты короновал себя на принятие глобальных решений.

– Главный наш вдохновитель и новатор – Фокс, – отвёл от себя «огонь» глава семьи.

Гарриет отмахнулась от мужа, и вдруг побледнела и сползла на бок. Сын и муж подбежали к ней.

– На корабле она тоже падала в обмороки? – узнавал Уильям у Патрика.

– Нет.

– Здесь она, видимо, опять возобновила свои эксперименты с клизмами. Какой болван внушил ей, что вода не причиняет вреда? Зачем ей худеть? Лучше б меньше ела.

В большом зале скамьи, у которых ряды возвышались несколькими ярусами, поставили напротив друг друга. По одну сторону сели женщины в белых чепцах и белых покрывалах, накинутых на плечи. Их платья пестрели разными расцветками. Мужчины уселись напротив, их наряды тоже были живописны и разнообразны, у всех голову покрывали шляпы.

– Вы действительно дали свободу слова женщинам? Но разве можно дожидаться от этих трещоток дельных советов? – спрашивал один из приезжих.

– Конечно! Женщины не чуть не глупее мужчин, – кивал Маркхэм.

– Вам, что, дома не надоело их слушать? Католики и православные христиане возвеличивают кротость в женщине, вы же посадили их напоказ и хотите приобщить слабый пол к сильным поступкам.

Уильям Пэнн начал речь:

– Ах, если бы все возлюбили друг друга! Ни глядя ни на старость, ни на грехи и обиды, на болезни и пороки, ведь многие изъяны – дело рук окружающих, мы зачастую ломаем судьбы ближайших... Надо распахнуть сердце для людей:

близких и незнакомых, и боготворить, любя и превознося, боясь причинить боль, и тогда при жизни на Земле мы будем в раю, ибо, забыв о себе, мы станем думать обо всём человечестве. Так давайте отдадим всего себя во имя процветания жизни!

– За что я должен любить вон ту проститутку или скупердя скупщика? – выкрикнул кто-то из молодых людей.

– Надо любить всех потому, что в каждом из людей есть частичка Бога. И надо постараться раскрыть в себе этот дар небес. Потому надо поставить для себя требования к абсолютной честности по отношению к Богу, к другим людям и самому себе. Всем предстоит работа над «мирным внутренним состоянием» для того, чтобы привести душу, разум и совесть в состояние спокойствия и безмятежности. Это, как раз, и требует духовного преобразования.

– Это просто какое-то вольное толкование священных писаний, – возразил голос с галёрки.

Не обращая внимания на выкрик, Уильям Маркхэм вставил другой немаловажный аспект будущего правопорядка:

– Мы будем вести борьбу за мир без конфликтов.

– Мир – как общественный порядок и безопасность необходим для счастливой жизни, – вторил Колин Клинджел.

– Теперь я понимаю, почему многие люди с радостью идут в секты, уходя от родной религии, – подал голос Рассел Дафф, – Посул доброго отношения и внимания, а также обещание всех благ привлекает многих.

– Пропаганда утопических проектов, – подхватил сидящий рядом с ним щёголь.

– Жизнь в совершенстве допускает развитие. Разве несколько столетий назад цивилизация и прогресс были на этом уровне? То же касается и человеческих отношений. Я уверен: кровавые распри и телесные наказания будут отменены человечеством, как устаревшие методы воздействия на массы, – отвечал Пэнн щёголю.

– Оптимисты, – ворчал Дафф, – Верите, что грех и зло можно одолеть.

– Истинно религиозные люди назовут вашу новую веру ересью! – крикнула одна из приезжих женщин.

Излишняя аргументация превратила беседу в перебранку.

– Зачем плодить религиозные разделения? – недоумевала другая дама. – Люди и так слишком разобщены.

– Вот именно! – подхватил Маркхэм, – Разобщены классом, национальностью, традицией, языком! Мы же хотим освободить людей от этой тяжёлой ноши пережитков.

Уильям Пэнн продолжал восхвалять Общество Друзей, воздвигая антитезис оппонентам:

– В какой день недели молиться – это не принципиально, Бог слышит нас всегда. Наш день – понедельник, самый созидательный день – начало недели. Мы, как Бог, будем творить новый мир. Мы против крещения младенцев, креститься в веру надо уже осознанно. Мы не соблюдаем религиозный календарь. Мы следуем заповедям Христа и живём со-

гласно Нагорной проповеди. Только тот, кто до конца откроет сердце Богу – может достичь состояния земного блаженства.

– Идеалист, – продолжал хмыкать Дафф.

– Малоприятный субъект этот Рассел Дафф, – буркнул Маркхэм брату.

– Неприемлемо развязный хам, – вполголоса согласился Пэнн.

– Мы против накопления ценностей в церквях, – объявил Маркхэм.

– Человек несёт в церковь деньги и драгоценности потому, что лично хочет отблагодарить Бога не только молитвами, а чем-то существенным и значимым, – встал на защиту традиций Сэмюель Элфорд.

Один престарелый господин Фонеас Фозергилл с вздохом молвил:

– Я бы примкнул к вашему движению, если бы это действительно изменило природу людей, если бы мир стал лучше.

Брат этого обывателя Олдос Фозергилл непонимающе зашептал ему:

– По юности, по глупости ещё можно примкнуть к какой-нибудь организации, это я понимаю. Но в преклонные лета зачем это надо? Общенья захотелось? Неужели ты до сих пор не раскусил природу человека?

Сосед по креслу, Элфорд, пояснил неуразумевшему:

– Благородная идеология манит своей мощью. Убеждает поверить.

Ещё один из вновь прибывших аристократ Уильям Кейс заявил соседям по креслам:

– Чтобы пользоваться благами этой колонии, я пока тоже примкну к Обществу Друзей, а там посмотрим.

Кто-то сзади низ хмыкнул, рассказывая факт из жизни губернатора:

– Что может предложить людям тот, кого выгнали из Оксфорда?

Пэнн объявил:

– Нужно признать установленные новые каноны, как приобретённую ценность.

– Новые каноны, законы... Но, парни, истина всегда одна. Я могу согласиться с чем угодно, но это не повлияет на мировую глобализацию, – не сдавался Дафф.

– Если Вы не согласны стать частью нашего общества, так и скажите, зачем же негативно влиять на других, – одёрнул его Маркхэм.

– Да, я не принимаю ваши условия, – согласился с выводами Рассел Дафф.

Уильям Пэнн даже обрадовался выбору мистера Даффа, он предложил ему место судьи.

И на удивлённые возгласы отвечал:

– Мы, квакеры, не все люди, и отказавшись от наших взглядов, мистер Дафф в наших глазах остаётся равноправ-

ным членом общества, насильно мы никого не тащим в Общество Друзей. И мы доверяем всем. Траст, как управление для нас приемлем. Пенсильвания станет местом, где люди любого вероисповедания смогут обрести религиозную свободу. Далее я хотел бы согласовать аспекты новых законов с вами, друзья мои. И выслушать ваши идеи и соображения.

На генеральной ассамблее было единогласно утверждено 70 законов. На должности заместителей и судей Пэнн специально выбрал не квакеров, чтобы в случае нарушения законов они проявили твёрдость по отношению к соседям. На должность спикера ассамблей выбрали некоего Давида Ллойда, человека с солидным капиталом и связями с еврейской диаспорой. Рассела Даффа утвердили его заместителем. Молодой денди Джеймс Логен стал секретарём совета. Главным землемером поручили быть молодцеватому, шустрому Эдварду Пеннингтону.

После собрания все присутствующие пожали друг другу руки по обычаю квакеров.

Кареты англичан-квакеров подъезжали к городку индейцев Шакамаксон. Высокий частокол защищал город от врагов.

Уильям Пэнн, как и прочие надел парик, и теперь платочком смахивал пот со лба.

– Вот недаром французы называют парик второй головой, в угоду моде мы летом и зимой вынуждены надевать вторую

копну волос, – ворчал он.

– Папа, ты и меня видишь в роли легата-посла? – недовольно вторил Патрик, ему не нравилась эта поездка, он не хотел влезать в политику.

– Не сравнивай нынешние события с Древним Римом.

– Индейцы – те же варвары, – пожал плечами сын.

– С дикарями не заключают мирного, дипломатического пакта, их просто завоёвывают. У нас же будет равное представительство сторон – паритет.

– Твои хвалёные дипломаты будут пытаться отобрать землю у истинных хозяев.

– Не отбирать мы будем, а за деньги покупать.

– Мужчины, как любое животное, настроены на захват новых территорий для своего вида. Здесь я вижу бескровный вариант отъёма земли. Хотя он коварен, ведь вы же собираетесь покупать землю за бесценок?

– Талант оратора должен окупаться с лихвой.

– А как же твой призыв, папа? «Честность – потенциальная основа благих отношений?»

– Индейцы вступят в ряды квакеров и получают те же права наравне со всеми. Хватит претензий и недовольства, посмотри вокруг, как прекрасна эта земля.

Патрик перевёл взгляд на окно.

Среди могучих пробковых, красных, бархатистых дубов цвели магнолии, липы, тюльпанные деревья, боярышник, кизил, яблони, рододендроны и каликанты, чьи великолепные

красные цветы были похожи на иглистые астры.

Поселение делаваров удивило Патрика Пэнна, он ожидал увидеть типи-шалаша, вигвамы, однако Шакамаксон представлял собой стройный ряд деревянных домов длиной до ста шестидесяти метров, обшитые корою вяза, из каминных труб шёл дым. «Как быстро индейцы перенимают культуру белых», – подумал он. Ему и в голову не пришло, что ленапе могли и сами строить такие сооружения. На краю поселения были и вигвамы трёх типов: круглые с округлой крышей; продолговатые с арочной крышей и продолговатые с двускатной крышей.

Селение окружали вязы, которые в этой местности назывались белыми и ржавыми. Также много росло американских лип с крупными листьями. Встречался ясень пенсильванский с листьями, как у вишни, только с более вытянутой формой листа.

Парень разглядывал лица индейцев. В отличие от скуластых ирокезов, у делаваров тип лица больше походил на европейский, принадлежность к другой расе выдавал смуглый цвет кожи и кардинально чёрные волосы. Гордый, почти спесивый вид индейцев говорил об их храбрости воинов. Патрик ожидал увидеть раскрашенные цветной глиной лица аборигенов, но на телах делаваров пестрели лишь татуировки животных, юноша догадался, что чернилами для росписи послужила сажа. Одежда на аборигенах была не только из ко-

жи, но и вязаная, и тканная, красиво вышитая замысловатыми узорами. Из домов высыпал разнообразный люд: среди мужчин бегали дети. Сновали женщины, чьи лица краснели от красной охры, а тела тоже украшали татуировки. Головы молодых мужчин украшали веером поднятые волосы, одно перо, у кого торчащее вверх, у кого вниз, видать в зависимости от клана. У вождей соседних племён была корона из перьев. Все туземцы столпились вокруг англичан и притихли.

К англичанам вышел вождь и глава клана Черепах – Таммани, он был избран на Совете старейшин всех делаваров главным по общению с белыми пришельцами, его голову украшало пышное перо, смотрящее вверх. А у делаваров было три клана: Черепаха, Волк и Индейка, которые подразделялись на унами (люди вниз по реке), земли которых начинаются южнее Шакамаксон; уналактиго (люди около океана), их владения – нижнее течение реки Делавэр до мыса Хенлопен, юго-восток Пенсильвании и южная Джерси; минассинау (жители каменной страны) и манси, что живут в горах Кэтскилл, где встречаются районы Пенсильвания, Джерси и южный Нью-Йорк, также им принадлежали западная часть и нижняя долина у реки Гудзон.

– Индейцы такие же люди, как мы, – начал приветствие Уильям Пэнн.

– Все люди – братья, – подхватил Маркхэм.

– Что хотят бледнолицые от нас, раз сделали столь неблизкий путь к ленапе? – осведомился вождь Таммани.

– Ленапе – индейское самоназвание, означающее: настоящие люди, – пояснил Патрику Уильям Маркхэм.

– Долгих лет всем здесь живущим.

– Всё во власти Маниту, – отвечал шаман, его одежда отличалась самыми замысловатыми и обильными узорами, к ней были нашиты также всевозможные кости и металлические предметы.

– Маниту – это местный бог? – переспросил Патрик у Маркхэма, удивляясь, что многие индейцы неплохо говорят по-английски.

– Маниту – сверхъестественная сила, коей пропитано всё: природа, животные, люди, – пояснял родственник.

– Нам нужен совсем небольшой клочок земли для создания города. Мы хорошо заплатим, – заговорил о деле губернатор Пенсильвании, – Этот город мы назовём Филадельфия – братская любовь. Мы не претендуем на лесные ресурсы, ваши угодья, пусть охота и рыболовство, как и ранее, будут неотъемлемой частью вашей жизни.

И глава делегации назвал сумму.

Вождя порадовало большое число денег, но он сомневался:

– У бледнолицых такие сладкие речи... В наших краях: мужчина сказал, сомненья нет – сделает. Вас же мы ещё очень плохо знаем...

– Дорогой друг, Тамманенд, гарантом наших слов будет торговля. Мы с радостью будем покупать у индейцев любой

товар, – назвал вождя на британский манер Пэнн.

Один из стоящих рядом с вождём индейцев сетовал:

– Белые всё едут и едут нескончаемым потоком... Если их не пугает путешествие по бескрайним водам Великой Воды, и их также много, как нас, то индейцев начнут теснить...

– Или истреблять, – вставил другой его сородич.

– Только не квакеры! – возразил Уильям Пэнн, – Мы лояльны. Вам повезло, что губернатором этих мест назначили меня. Войн не будет. Будут царить процветание и взаимопонимание.

– От белых много невиданных болезней, – пугали другие индейцы, – В некоторых селениях у людей отваливается даже нос! И все гибнут... А с обезображенным лицом человек окажется призраком в мире людей, его не пустят души умерших в иной мир! Индейцев стало в пять раз меньше, чем было ранее! Много заболевших в последние годы!

Вождь решил ответственность возложить на другого:

– Надо послушать, что скажут духи шаману.

Губернатор шепнул заместителю:

– Позолоти руку шаману, чтобы духи оказались на нашей стороне.

– Можем ли мы присутствовать при обряде вызывания духов? – поинтересовался новый член совета квакеров Джон Эванс, молодой и ушлый пронира.

Шаман, которому Маркхэм тихонько сунул слиток золота, величаво произнёс:

– Белые люди могут присоединиться к красным, духи есть и у тех, и у других.

Индейцы повели гостей на поляну для обрядов. Развели костёр.

– Папа, зачем нужен этот спектакль с шаманом? – ворчал Патрик.

– Не думал, что ты такой ограниченный. Хочешь сидеть в селении и ждать ответа? Не интересно взглянуть на чужую культуру? А меня желание подняться над обыденным влечёт к шаманским обрядам.

– Реальность не может раздвоиться. Духи существуют лишь в больном воображении шамана.

Тем временем шаман закружился вокруг огня, запел басом, ударяя колотушкой в бубен.

– Твой отец был великим мореплавателем. Вижу вокруг него много золота, – глядя в глаза Уильяму Пэнну, сообщил шаман, затем приседая и припевая гортанным голосом, отошёл опять к костру.

– Вот объясни мне, сын, тогда почему колдун без усилий угадывает события прошлого? Нет, в его общении с потусторонним что-то есть. Он общается с кем-то невидимым, кто всё знает о каждом живущем.

– О чём поёт шаман? – спросил Патрик у стоящего неподалёку индейца.

– Восхваляет духов, восхищается их достоинствами, силой, называет по именам, льстит. Он в песне рассказывает,

как гоняется за злым духом то в небесах птицей, то в воде рыбой. Вот поймал духа и прижал бубном к земле. Теперь будет спрашивать о будущем. А вообще бубен – это средство передвижения в мире духов, как конь или олень. Колотушка играет роль плети, чтоб подгонять скакуна. Кожу бубна шаман смазывает-подкармливает молоком и отваром из трав. Каждый узор или нашитый предмет на одежде шамана, как для вас, белых, медали и ордена, они говорят о доблести и успехах врачавателя, охотника и предсказателя.

– Шаман имеет статус вождя? – поинтересовался Уильям Пэнн.

Индеец пояснял:

– Шаман выше простых смертных, духи разрезали его тело и пересотворили его, воскресив.

– Временами он похож на сумасшедшего, – заметил Патрик.

Индеец кивнул и рассказывал дальше:

– Так и должно быть. Всегда человек, вступающий на путь врачевания с помощью духов, ведёт себя неадекватно, странно. Кто-то бродит голым по лесу, другие часами сидят, оцепенев, глядя в одну точку, кто-то сидит на дереве и поёт, но после того, как духи их переделают, их странности пропадают. Лишь во время танцев дух-покровитель вселяется в шамана и заставляет кричать и кривляться.

– А кто-нибудь видел, как духи кромсают будущего шамана? – усомнился Джон Эванс.

– У нынешнего вся постель была в крови, сам он лежал без чувств, похожий на огромный синий синяк, изо рта шла пена... Душу шамана съедают духи, он жертвует ею во имя спасения больных.

Камлания кончились тем, что шаман без сил упал на траву и хрипел.

Затем встал, как ни в чём ни бывало, и сообщил волю духов:

– Духи почти единодушно сказали, что белые – наши друзья.

Улыбки озарили лица прибывших гостей.

Чтобы освободить земли для англичан, делавары обещались уйти на запад к верхней части долины Скайкилла и к долинам Брэндивайна и Лихая (Аллентаун). «Договорная цепь» включала в себя, что ленапе будут поставлять воинов для войн, если начнутся военные действия.

Шла весна 1.683 года. Уильяма Пэнна захватила круговерть строительства. Строили город Филадельфия на выкупленной у делаваров земле. Губернатор бегал и распоряжался где, какое здание возводить.

Из леса индейцы и белые переселенцы нескончаемым потоком доставляли брёвна. Возводили дома из дерева и красных кирпичей, порою с общими стенами. Кирпичи продавали переселенцам местные индейцы. Вот уже красуется первая улица, названная в честь первых молодожёнов Эл-

фрет-Элли. Возводили очередную улицу с названием Сосайети-Хилл, в честь недавно прибывших итальянцев. С этой стороны города раскинулся живописнейший лес-парк, к которому приклеилось название Индепенденс. На этой улице решили возвести площадь и Зал Конгресса. Первый молитвенный дом квакеров построили на Арч-стрит.

Вице-губернатор Маркхэм тоже руководил стройкой.

У его ног путалась Альфредия, которая, как всегда, засыпала отца вопросами:

– Трудимся ради мира?

Девочка убирала с дороги какие-то щепки.

– Да, город – это мирное сооружение, – поддакивал отец.

– А там что будет? Такое большое здание...

– Нора Клинджел будет печатать там книжки.

– Умные книжки или для детей с картинками?

– Всякие.

Уильям Маркхэм заметил среди строителей бывшую проститутку Нэнси Дэльвин. Её игриво выпущенные завитые пряди волос болтались из под шляпки в такт энергичным движениям – девушка наклонялась с лейкой, поливая клумбы.

Нэнси заметила взгляд представителя власти и улыбнулась.

Мужчина смутился и сказал ей:

– Вы могли бы сидеть дома, женщинам не обязательно выполнять тяжёлую работу.

На что девушка с юмором проговорила:

– Всё для блага человечества.

Старик Олдос Фозергилл ворчал, выговаривая брату:

– Высшее общество и здесь на первых ролях. Где же хваленое равенство?

– Знать не любит утруждать себя работой, это – очевидный факт, – со вздохом подтверждал Фонеас.

– Что может знать этот лощёный господин Пэнн о нищете? Приглядиись к нему, у него даже маникюр на руках!

– Тем не менее, он старается помочь всем бедствующим.

– Сколько же у него денег?

– Пусть бы их было огромное количество, чтоб наша Пенсильвания стала цветущей страной.

К Уильяму Пэнну подошла жена с недовольной миной на лице.

Она ехидничала:

– Работать за бесплатно – дураков нет, зато, сколько дураков, работающих за спасибо.

– Не все здесь работают за спасибо, многие строят собственные дома, – в тон ей отвечал муж.

– Твоё благородство и щедрость разорит нас. Задарил огромное состояние Джорджу Фоксу...

– Глупая баба. Скоро земля индейцев начнёт приносить доходы, и все кредиты погасятся с лихвой. Я выкупил школу фермеров близ Льюистауна, что основали ещё в 1.655 году, теперь там сельскохозяйственный колледж, Бог даст, там будет университет! Нам нужны грамотные агрономы. Да и что

такое деньги? Железяки! Ради мечты никаких денег не жалко.

– Тебе надо было идти в архитекторы.

– Из каких соображений вытекают эти выводы? Разве я проектирую строения?

– Лучше всего у тебя получается строить воздушные замки.

– Если ты будешь устраивать такие истерики, то станешь настоящей психопаткой.

– Меня опять тошнит. Пойду домой, – сообщила Гарриет.

– Только и слышу от тебя: болит, болит... – передразнил муж.

– Меня не может не волновать моё здоровье потому, что организм – целостная система, функциональность которого должна быть безукоризненной.

Маркхэм окликнул младшую дочь:

– Не ходи на дорогу!

– Пап, не бойся, я не на дорогу, я в грязь! – отозвался ребёнок, весело подпрыгивая, она бежала к луже.

– Альфредия! Девочки не играют в грязных лужах! – и Уильям Маркхэм последовал за дочерью, чтоб взять её за руку.

Негодница кружилась, задрав голову, и восхищённо сообщала отцу:

– Папочка, сколько сегодня облаков на небе! Это мыльная пена, да? Бог на небе отмывает души грешников.

Затем она заметила белочку, что спряталась в дупле дере-

ва.

– Ой, папа, кто-то построил белочке конуру! – взвизгнула Альфредия.

Маркхэм рассмеялся.

– Ой, папа, мальчишки дерутся! – и девочка указала в сторону хулиганов.

Шотландские мальчуганы били безобидного мальчика квакеров, который совсем не сопротивлялся.

Рассел Дафф заметил:

– Посмотри. Маркхэм, у добра для защиты должны быть кулаки. Не даром у всех народов есть богатыри.

– Если добро наносит урон здоровью другому существу, то какое же оно добро? – отвечал Уильям, и побежал разнимать дерущихся.

При приближении взрослого, мальчишки бросились врассыпную.

Вуди Стингер, которого окрестили «Бык», перестал стучать топором, глянул на убегающих проказников и испуганно зажатую Альфредию, покосился на свою жену Дрю, что хихикала с соседками, и по-житейски подметил:

– Мальчишки – хулиганы, девочки – скромницы, потом, вырастают, и женщины превращаются в стерв, а мужики в подкаблучников. Редко кто держит семью в кулаке, как я. Пойду-ка, кстати, смочу горло пивом.

Маркхэм взял из рук Нэнси Дэльвин лейку и принялся поливать цветы. Девушка улыбнулась и стала высаживать клум-

бу другими цветами. Они весело переговаривались, обсуждая, какие сорта лучше сочетаются друг с другом.

Альфредия нюхала цветочки.

Мита вышла из коляски и сразу обратила внимание на щечечущего мужа с бывшей проституткой.

Недовольно забурчала себе под нос:

– На что рассчитывает эта шлюха, добиваясь внимания моего мужа? Что он будет также дарить ей своё расположение, как и мне? Дура наивная. Со мной никто не сравнится.

Она подошла к мужу.

Дочь вслух сочиняла сказку о дружбе цветов:

– «Возьмём в свою компанию репей», – предложила роза.

«Он испортит всю клумбу», – скривился георгин. «Некрасивые разве должны жить одни?» – жалела колючку роза.

– О, Мита, – заметил жене Уильям, – Какая у нас необычайная дочь. Маленькая сказочница.

– Мне нет дела до её чудачеств, у меня свои проблемы.

– Какие же? – удивлённо вскинул брови муж.

– Ни одна шляпка не подходит под новое платье.

– О, это глобальная проблема, – иронизировал вице-губернатор.

– Конечно! Платье в любой момент может выйти из моды!

– Квакеры не стремятся к показухе, – напомнил ей муж.

– От того, что муж у меня квакер, я от этого не перестала быть женщиной.

Нэнси молчком отошла от супругов как можно дальше.

Альфредия стала помогать ей высаживать цветы.

Мита хмыкнула про себя: «То-то же, дешёвка-Ненси, оценила мою ослепительную красоту! Знай своё место под лавкой...»

Уильям Пэнн подошёл с незнакомым видным джентльменом в красном мундире к Маркхэму.

– Это мой кузен и заместитель Уильям Маркхэм, – представил лидер секты вице-губернатора, – А это полковник Лэйн Флэтчер из Нью-Йорка, куратор наших дел. Сам король уполномочил его следить за нами и расследовать преступления против государства, если таковые появятся.

– А кто эта прелестная леди? – поинтересовался полковник, сверля взглядом Миту.

– Это Мита Маркхэм, жена кузена.

– Очень приятно, – сказал Флэтчер, целуя даме руку.

– В Англии мистеру Флэтчеру принадлежал оловянный рудник в Корнуолле, – рассказывал Пэнн, – Он продал его, чтоб возглавить правоохранительные органы Нью-Йорка. Мы вот тоже создаём милицию.

– Корнуолл – богатый край на олово, зря Вы бросили прибыльное дельце, – высказал своё мнение Маркхэм, обмывая руки в ведре с чистой водой, но его жюстокор был испачкан землёй, что приводило в бешенство жену, которая порицательно и недовольно покачала головой.

– У Вас нездоровая склонность давать «добрые» советы. Вы же не знаете, что я приобрёл на этой земле, – высокомер-

но огрызнулся полковник.

Мита красиво округлила глаза, когда незнакомец повысил голос на её мужа.

– Я предлагаю мистеру Флэтчеру приобрести земли в Пенсильвании, – пояснил Пэнн ход дела кузену.

– Вы, что, серьёзно хотите, чтобы я тратил деньги невесть куда? Вот, когда здесь будет твёрдая власть, то тогда и посмотрим.

– Вы увидите, как счастливо и спокойно мы заживём, ведь всякое ущемление свободы и прав личности у нас недопустимы, – мечтательно обещал Пэнн, – Мы покажем, как сильно можно любить Бога и ближнего собрата.

Флэтчер поморщился и попросил:

– Перестаньте восхвалять свою республику, мистер Пэнн. Это уже больше похоже на бахвальство, я посмотрю со стороны, и со временем дам оценку Вашей деятельности и статусу власти. А сейчас у меня такое мнение: мистер Пэнн, Вы играете судьбами людей, возомнив себя Богом.

– О чём Вы говорите!?! – искренне возмутился губернатор, – Я хочу только добра людям!

– Одного желания мало создать мир без насилия, – заметил полковник.

– При желании человек может свернуть горы! – не унимался Пэнн.

– Пока процветания я не вижу, – тоже не сдавался блюститель закона.

– Как же можно сидеть и ждать, когда грядёт светлое будущее? Сделать мир лучше можно сейчас, и это зависит от нас. Начните творить добро. Сейчас. Именно с перестройки себя и можно изменить мир. Если каждый будет контролировать эмоции и поступки, то тогда и придёт рай взаимоотношений. Вот увидите: к нам примкнут миллионы.

– У меня ощущение, что я на проповеди, – устало закатил глаза гость из Нью-Йорка, затем он узнавал, – Я слышал, вы хотите заставить работать женщин наравне с мужчинами. Разве это гуманно?

– Это будет решаться в каждой семье отдельно. Женщины будут работать там, где захотят, – подтвердил Маркхэм.

– Вы и своих жён планируете выгнать из дома на работу? – усмехнулся Флэтчер.

– Красивая женщина – это профессия, которой безработица не страшна, – подала голос доселе молчавшая Мита.

– Это верно, – широко улыбнулся Флэтчер.

– А расскажите, полковник, как там у вас в Нью-Йорке, – попросила Мита, – А я покажу вам, где какие здания губернатор планирует построить.

Флэтчер охотно отправился бродить с красивой дамой по шумным улицам строящегося городка Филадельфия.

Глядя удаляющейся парочке в след, Пэнн ругал кузена:

– Уилли, ты похож, знаешь, на кого? На дворняжку. Забитая физиономия и неухоженный вид. Ты замечал, что бульдоги в доме очень горделивы, а посади их на цепь – та же

дворняга. У тебя нет сейчас самого главного: собственного достоинства. Будь уверен в себе и одевайся с иголки.

– Что на это скажет жена? Будет ворчать, что я много на себя трачу, ей самой денег всегда мало.

– Напротив. Будет рада перемене, ведь женщины мечтают о рыцаре или принце.

– О чём ты? У Миты уже есть муж – я.

– Ой, папа, смотри, в булочке пальцы, – испуганно шептала Альфредия и тянула за рукав отца.

Глазами девочка указывала на вышедшего из пивной мальчика.

– Что ты, крошка, это еда немцев – сосиска в тесте, – засмеялся Маркхэм.

– Это же сын «Быка», пойдём-ка, заглянем в кабачок, – протянул Уильям Пэнн.

Они вошли в питейное заведение.

– Иди, достраивай дом, тупой пожиратель сосисок и пива, – тянула Дрю Стингер мужа из пивной.

– Иди домой сама, сука! – заорал «Бык».

Женщина заплакала.

– Назовёшь бабу кошечкой – радуется, а попробуй назвать женской особью другого друга человека – обижается, хотя собака (она же сука), чем хуже кота? – пьяно рассуждал Вуди Стингер.

– Возомнили бабы о себе, мужиками командуют, – стали поддакивать другие посетители пивного заведения.

– Развели тут антимионию, отвлекаетесь от дела пустяковой болтовнёй. Пойдёмте работать, – вразумлял мужчин Маркхэм.

В ответ – невнятное бормотанье.

– Папа, купи пирожное, – попросила Альфредия.

– Дочь, это не кафе, здесь только пирожки, раки, рыба и мясо.

– Тогда закажи пирожков, – согласилась девочка, – Только не таких страшных, как у мальчика.

Уильям Маркхэм стал делать заказ у трактирщика.

А Пэнн заглянул в кружку «Быка»:

– О, это не английский эль, это шотландское виски.

– Пиво – пойло для телят, мужики пьют напитки покрепче.

– Вуди, Вуди, пошёл бы помог жене засеять огород, – качал головой губернатор.

– Зачем ему огород? Он перешёл на универсальное питание, которое заменяет все компоненты – на огненную воду. По истине – волшебная водица, – ухмыльнулся молодой индеец с красивыми чертами лица.

Бык махнул рукой и «промычал»:

– Да иди ты лесом.

– Кто обучил Вас языку? – удивился Пэнн речи аборигена, – Ваша речь изобилует редкими словами...

– Это Шёпот Леса, тот, что поставляет мне оленину, его племя обучал английскому некий учёный-биолог, – поведал

кузен.

– И все Ваши соплеменники так грамотно строят фразы? – интересовался глава квакеров.

– Только немногие мужчины. Ведь и среди белых не все умные, – отвечал краснокожий, он выглядел совершенно трезвым.

– Думаешь перебираться в наш город? – допытывался губернатор.

– Я не спешу с выводами, надо посмотреть, как будут действовать ваши новые законы и условия жизни, – отвечал Шёпот Леса.

– Часто здесь бываете? – спросил у него Уильям Пэнн.

– Да, продаю мясо и шкуры.

– Я имел в виду: в питейном заведении.

– А где ещё мужчина может узнать последние новости?

– Моя душа просит праздника, – пьяно заголосил Вуди Стингер.

– Твоя душа всегда просит праздника, – ворчала Дрю.

Она села за соседний стул, некто участливый заказал ей лёгкого эля.

– Когда здесь появятся танцовщицы? – обводил потускневшими и полу прикрытыми глазами Бык.

– По-моему, сегодня проводить воспитательную работу со Стингером бесполезно, – вздохнул глава колонии.

Кто-то из мужчин посоветовал:

– Один удар в ухо заменяет три часа воспитательной бе-

седы.

Собутыльники дружно засмеялись.

Вбежавший в кабачок молодой Джон Эванс, радостно сообщил губернатору:

– Дорогой друг! Прибыло в гавань ещё несколько кораблей. Белфастский корабль привёз шотландцев из Ольстера, приплыли также ирландцы и немцы.

Пэнн побежал на пристань лично встретить прибывших.

Люди в большинстве были католиками и на квакеров смотрели с опаской.

Одна ирландская женщина негромко ныла на ухо мужу:

– Ты желаешь нашим детям войны.

– Что ты говоришь, женщина?

– Ты привёз нас сюда, на чужую землю, где полно индейцев.

– Лучше было жить на камнях, называемых Ирландией?

И нет понятия «чужой земли» потому, что земля круглая.

Губернатор так был счастлив, что его колония численно возрастает, что, оглядывая бедно одетых, потрёпанных судьбой людей, горячо говорил Эвансу:

– Отныне я скинул с себя чувство брезгливости перед людьми опустившимися, не устоявшими под ударами рока. Перед теми, кто болен и нищ. Бог послал нам их, дабы мы не забывали неприкаянных. Самые закоренелые преступники, пьяницы и прочие «отбросы» общества более не отвратительны мне, так как стали они таковыми в большинстве

по вине людей. И я ни раз был причиной опущения личности... Отныне буду стараться ни словом, ни взглядом, ни действием не оскорблять достоинство человека. Наша задача помочь таким людям, дабы они не вернулись на стезю греха. Накормить голодных и дать одежду, лишённым крова.

– Как скажете. Я запишу в блокнот фамилии всех нуждающихся и выдам средства из кассы, – поддакивал услужливый Эванс.

Уильям Пэнн громогласно читал проповедь:

– Я приветствую вас на своей земле! Каждое наше действие, престапующее совесть, приносит адские плоды, атрофирующие сознание и понимание жизни. Любые отклонения от добра и морали неизбежно приводят к преступлению или бесславному поступку, приносят вред душе или здоровью.

– Пока расположиться вы можете в трактирах, а завтра землемер выделит наделы каждому, кто способен заплатить, – добавил Джон Эванс.

Дрю Стингер назло мужу тоже решила напиться.

После третьей кружки пива к ней подсел расторопный мужичок и зашептал:

– Ты достойна того, чтобы тебя любили всю ночь.

– Что Вы такое говорите? – покраснела бабёнка, – Раз в месяц по часу утех и то утомительно.

– О, да ты, дорогуша, не была в горячих руках.

Дрю застенчиво наклонила лицо к глиняной кружке с пивом.

Маркхэм с дочерью выходил из кабачка и говорил Шёпоту Леса, что тоже вышел на свежий воздух:

– Самая великая ценность коллектива – взаимопонимание и общение. Я буду рад, если ты будишь ходить в школу для индейцев, там будет преподавать моя дочь.

– Чему же вы собрались учить мой народ?

– Истории, географии, математике...

– Истории белых?

– Наука не может принадлежать одним белым, она – достояние всего человечества.

– Я смотрю, многие оценили благодать дружественного общения, – с сарказмом проговорил индеец и указал в сторону.

У Уильяма похолодело на сердце от увиденного. Ирландцы и новые квакеры били друг друга так, что в стороны летели зубы, кровь, пуговицы. Мужчины падали и вставали, чтобы вновь присоединиться к дерущимся.

– Шёпот, посмотри за моим ребёнком. Стойте здесь, а я быстро... – сбивчиво протараторил вице-губернатор и побежал разнимать людей.

Девочка боязливо глянула на сурового дядьку в чудных, кожаных одеждах и поёжилась.

– Я не ем маленьких девочек, – улыбнулся индеец.

– Давно не едите? – уточнила Альфредия.

– Со вчерашнего дня, – пошутил Шёпот Леса.

Ребёнок с опаской отошёл на несколько шагов от стран-

ного чужака.

– Меня зовут Уриэл, – представился ей сын Стингеров, которому надоело скучать одному, – А домашние называют Ури.

– Альфредия, – отозвалась девочка, – А папа зовёт меня Фрэдди. Знаешь страшную историю о привидениях?

– Не-ет.

Отец девочки тем временем кричал, что есть силы:

– Прекратить драку!

Но разгорячённые молодецкой удалью мужики и парни продолжали дубасить друг друга.

Тут подоспел Колин Клинджел с бригадой милиционеров, которые дружно стали разнимать дерущихся, орудуя дубинками, возмутители спокойствия устало стали разбредаться.

Маркхэм поймал одного из парней за руку, узнавая причину драки.

– Мы работали, как волы, а Лауден Кэнзи, лодырь и пройдоха, отлёживался! Прокувыркался всю ночь с девкой, а теперь отсыпаться вздумал!

Одного молодого человека Клинджел решил арестовать и предъявить ему на суде иск о превышении самообороны.

– Ты бил человека, когда тот упал и не мог сопротивляться! – выговаривал арестованному генерал, – За что ты так искалечил парня? Где же твоя терпимость? Где Божьи заповеди?

– Ударили меня по левой щеке, я подставил правую. Уда-

рили меня по правой щеке... а дальше в «Библии» ничего не сказано, и я действовал дальше, как совесть подсказала.

– Ещё и паясничает... – укоризненно качал головой Клинджел.

Уильям Маркхэм подошёл к Шёпоту Леса, поблагодарил за присмотр за ребёнком.

– Белые всегда дерутся между собой?

– А индейцы разве нет?

– Нас судит шаман. Мы бьём только врагов из другого племени.

– Враги из другого племени такие же индейцы. Нет разницы. Просто у белых большое племя.

Вице-губернатор подошёл к детям.

Его дочь рассказывала мальчику о событиях недавней истории:

– Английский король Карл Первый Стюарт вёл свой род от древних кельтов, а те имели свои священные деревья. Вот и короля был свой любимый дуб. Оливер Кромвель приказал срубить могучего исполина и распилить на дрова. Дуб отомстил всем дровосекам, все они погибли в скором времени. Да и сам Кромвель как-то подозрительно нехорошо окончил свои дни...

– А наши люди срубили столько много деревьев... – испуганно залепетал Ури.

– Но эти-то не волшебные, – успокоила его девочка.

– Фрэдди, идём домой, – позвал дочь Уильям.

– Папа, а можно Уриэл Стингер будет приходить к нам играть со мной?

– Но мы ещё очень плохо знаем этого молодого человека, – лукавил отец.

– Но ты же сам на каждом шагу кричишь о равенстве, – напомнила ему дочь.

– Ну, хорошо, только он один может приходить в наш дом, а не целая гвардия ребятишек, иначе слуги и твоя мама будут ругаться, – согласился Маркхэм.

Дома он набросился на жену, что перебирала многочисленные платья в гардеробе:

– Я должен тратить деньги на эту ерунду?

Мита невозмутимо отвечала:

– Ты подписался быть моим мужем – значит: просто обязан сделать меня счастливой! Или свою жадность ты решил прикрыть религией квакеров?

– Сегодня все мужики на тебя пялились! Ты специально вызывающе красиво одеваешься!

– Так надо было искать жену такую страшную, чтобы люди пугались и шарахались, а после до конца жизни заикались, лишь раз взглянув на неё. Вот таким особям наряды не нужны, – хмыкала женщина.

– Ты раздаривала свои улыбки не только детям и соседкам, их получали даже незнакомые мужчины!

– Почему я не должна радоваться красоте? Улыбки получали только красавчики.

– На глазах у всего города ты шла с чужим мужчиной, будто с мужем!

– Полковник Лэйн Флэтчер – джентльмен, неужели ты думаешь, он позволил бы себе что-либо лишнее? Вот и делай хорошие дела, развлекай важных персон... – надула губки Мита.

Дочери Клинджела собирались осмотреть книжный магазин матери и строящуюся типографию. Отец семейства должен был возглавить картеж. У каждой девушки висел миленький ридикуль на запястье. Пудель по кличке Стрекоза крутился между ног людей и просился на руки.

В вестибюле у зеркала крутилась старшая из сестёр, остальные терпеливо ждали её. Шейла умело подмазывала глаза, и на замечания отца не обращала внимание. Её розовое платье изобиловало кружевными деталями. У остальных цвета одежды можно было назвать только унылыми.

– Устроила показ высокой моды, – по-доброму ворчал отец, – Опять втихушку сшила новое платье.

– Кто-то же должен устанавливать моду в этом глухом районе.

– Дефиле Шейлы Клинджел, – с пафосом произнесла Линда.

– Один умный человек три года назад изобрёл напёрсток, теперь шить не зазорно и дворянкам, – отвечала Шелли.

Затем старшая сестра невозмутимо намазала ещё и губы.

У средней сразу же нашлось замечание по этому поводу:

– У аристократок принято красить губы красной помадой, а ты мажешь розовой, словно щёки румянишь.

– Нежный цвет, – пожала плечами Шейла, – Да и в тон платью.

– Ты бы ещё волосы в рыжий цвет покрасила, – хмыкнула Линда, намекая на то, что таким цветом волосы у проституток.

– Покрасуемся перед горожанами в новых нарядах, – мечтательно протянула старшая, не замечая колкостей средней сестры.

– Монашки лучше одеваются, – сконфуженно прогундо-сила младшая.

– Мы должны сиять добродетелью, – благочестиво встала Линда.

– Что-то я не видела тебя ни на стройке, ни на огороде... Чем же ты помогала обществу? – задирала сестру Шейла.

– Примером своей благодетельности, – гордо отвечала на выпадки Линда.

– Нечего тунеядство прикрывать красивыми словами!

– Папа! Скажи этой ненормальной, чтоб не обзывалась! – заверещала средняя.

– Сейчас ещё на улице крикну: «Внимание! Идёт безрукое чудовище! Все разбегайтесь!» – стращала Шейла.

– Шелли, прекрати паясничать! – урезонивал отец старшую дочь.

Девушка приняла важный вид.

– Так пойдёт?

– В самый раз, только нос так задирать не стоит, – улыбнулся Колин.

Семейство вышло на улицу. Отец немного отстал, встретив одного из шерифов, забросал подчинённого вопросами.

Линда ворчала:

– Мир превращается в Вавилон, на улицах города можно встретить людей из различных частей света.

Айрис вторила:

– Ходить по городу – только цеплять всякую заразу! Сейчас эпидемия дизентерии... а ведь может начаться и чума...

– В городе появилось много приезжих, мало ли что они привезли с другого континента, – пугала сестёр Шейла, как бы от ужаса расширяя глаза, тайно смеясь над их страхами.

Айрис ныла:

– Я бы из дома не вышла, но у папы необходимость публичной демонстрации добродетелей и высоких норм жизни.

В книжном магазине Линда нарочно громко произнесла:

– Возьму-ка почитать философию Софокла.

Шейла иронизировала:

– Очень дорого за эту галиматью. Возьми лучше сказки братьев Гримм. Дешевле и ближе к жизни, к истинной природе человека.

Патрик Пэнн оторвал взгляд от строчек и с уважением

посмотрел на говорящую, он ведь тоже считал, что женщинам, чтоб варить суп, много ума не надо. Тонкое личико девушки очаровало его. Каскад белых кудрей делал её облик неземным, воздушным. Да и розовое платье ассоциировалось с утренним облаком. Ангел и только.

Он прошёл к прилавку и, протягивая деньги за книгу, проговорил:

– В поисках духовной пищи я зашёл в Ваш магазин, но, кажется, нашёл здесь приобретение не только для души, но и для сердца. Скажите, чья это дочь, вон та, в чудесном, розовом платье?

– Боже, это же наша Шейла, – поражённо пролепетала Нора, – А генерал – мой супруг и отец девушки.

Юноша подошёл к Колину Клинджелу и деликатно поинтересовался, можно ли ему прийти с дружественным визитом в ближайшую субботу.

Патрик неприлично часто поглядывал на старшую дочь генерала, вызывая зависть её сестёр. Шейла отстранённо улыбнулась, давая понять, что парень ей безразличен. Он же воспринял этот жест, как девичью скромность.

Прибывая всё ещё в замешательстве от неожиданности, Нора заметила мужу:

– Английская традиция: выбирай жену в будни, а не в выходные. Плохая примета, что Патрик собирается навестить нас в субботу.

– Но мы не в Англии, а в Пенсильвании. И Пэнны – ир-

ландцы.

– Вовсе нет! Я слышала, Уильям Пэнн родился в Лондоне на одном холме с тюрьмой Тауэром, и у них есть поместье в английском графстве Беркшир, – упёрлась жена.

– Не надо верить старым приметам, сейчас новое время, – одёрнул её муж.

Нора Клинджел закрыла магазин на обед. Её лицо светилось от счастья.

Дочери весело щебетали, обсуждая какие-то новости.

Колин журил их:

– Что ли с колокольни протестантов морфий над городом развеяли? Чего вы хохочете, не переставая?

Девушки притихли.

– Какое счастье, Патрик Пэнн хочет познакомиться поближе с нашим семейством! Ему понравилась Шелли, – сообщил отец.

– Опишите исключительные качества его натуры, а я подумаю на досуге, стоит ли мне уделять ему внимание, – вяло отозвалась старшая дочь.

– Он умён... так мне показалось... – проронила мать.

– Мама, тебе только показалось, – заметила Шейла, затем откровенно призналась, – Ай, да скажу прямо: он мне антипатичен.

– Чем плох Патрик? – развела Нора руками.

– Какой-то он толстый, не мужественный, – морщилась

старшая дочь.

– Мягкосердечными мужчинами легче вертеть, – не то учила, не то уговаривала мать.

– Патрик богат и сын самого губернатора! Какие тут могут быть обсуждения кандидатуры?! – взревел Колин.

Шейла, артистично кривляясь, иронично вопрошала родителей:

– Что семейка Клинджел выставляет на торги? Ах, кого? Старшую дочку! А достаточно ли у неё красивое лицо для богатых кавалеров? Смеют ли они надеяться, что клонет «рыбка» побогаче? И это такие, как Вы, папа, кричали о равноправии женщин и мужчин, а сами не удосужились спросить у меня: нравится ли мне толстый сынок Пэннов.

– Как трудно молчать, когда тебя не спрашивают, – в тон ей передразнивал отец, – Ты забыла, что у квакеров гордость гонима. Ишь, слишком красива для толстого! Живёшь, как в сказке, на всём готовеньком, и смеешь пререкаться с отцом!

– Но, папа, Патрик уродлив!

– Почему для вас, женщин, так важен внешний вид человека?

– Но и мужчины женятся на уродинах только ради денег!

– Какое у вас ужасное книжное воспитание! Вам надо спуститься с небес на землю, и надо думать: где подцепить жениха побогаче, а не искать идеалы любви. Это всё ваша мамаша подсовывала вам устаревшие рыцарские романы! Влюблён-

ность в наш век возводится в ранг дурости. Образованный человек должен думать прежде всего о высоком положении в обществе, о стабильном доходе, о выгодном браке. Выяснение отношений культурный человек должен оставить отсталым аборигенам и классу крестьян.

– Папа, но как же Вы с мистером Пэнном кричите о любви на каждом шагу? – всхлипнула Шейла.

– Заметь: о любви к человечеству. А не к индивидууму.

– Ты сам не замечаешь нашу мать, как женщину, и хочешь, чтобы и мы раздавали поцелуи мужьям чисто автоматически!

У Норы навернулись слёзы на глаза.

– Как ты смеешь указывать отцу! – взревел Колин, – До этой минуты мои нервы были гораздо крепче! Во все времена девки стремятся побыстрее выскочить замуж, но только не ты! А у тебя уже самый подходящий возраст!

Плакали мать и старшая дочь, каждая отвернувшись от всех.

– Дочери, марш домой! – приказал глава семьи, и когда за ними закрылась дверь, бормотал, – Командовать бабами в своём доме куда сложнее, нужна совсем другая тактика, чем применяется при взятии неприятельского форда или корабля.

Он обнял жену. Женщина уткнулась ему в плечо и навзрыд заревела.

– Ну, что, ты? Шейла попросту злится, потому и говорит

гадости... – успокаивал Колин жену.

На улице старшая дочь Клинджелов взяла себя в руки, и недавние слёзы выдавал только красный нос.

Линда косо поглядывала на неё и предположила:

– Шелл, может, тебе просто не хватает разговоров о любви? Патрик ведь не объяснялся с тобой...

– Может быть, – пробурчала недовольно Шейла, – Хотя – нет, я не уверена, что когда-либо полюблю этого парня.

– Успокойся. В любом случае ты будешь хорошей женой, у тебя ведь отличное воспитание, – говорила Айрис.

Линда подхватила:

– Вспомни по «Библии»: «Кроткие наследуют Землю и наслаждаются множеством миров».

Младшая сестра испуганно переспросила:

– Множеством миров – это как?

Средняя неуверенно измышляла:

– Не знаю... Может, кротким даётся не одна, а множество жизней-перерождений...

Старшая в запале продолжила фантазировать:

– А, может, где-то ещё есть загадочные миры, где живут гномы или эльфы, гиганты или говорящие звери...

– Так мы их, что, завоюем, что ли? И будем жить на их земле? – перебила сестру Айрис.

– Кроткие люди не бойцы, – хмыкнула Линда.

– Значит: обманем и завладеем их землёй, – уверенно заключила младшая.

– Да, как мистер Пэнн обманывает бедных индейцев, так и ты хочешь завладеть сказочными мирами из космоса или параллельных Вселенных, – покачала головой Шейла.

Новый дом-башня Пэннов на улице Пэнн-сендер был выше остальных зданий в городе. Служанки, что мыли окна в гостиной, косо поглядывали на хозяйку, которая лениво перебирала ноты, изредка наигрывая ту или иную мелодию.

Шёпотом женщины переговаривались:

– Мы работали в Англии за корочку хлеба и глоток паршивого эля, тогда как у богатеев был каждый день праздник: театры, балы, охота. Богачи и пьяны и сыты, и спят, сколько хотят. Но и здесь, в Америке, дела обстоят также.

– А эта Гарриет, словно животное, видит сладость жизни только в том, чтоб обильно и вкусно поесть.

– Ага, а потом просит доктора поставить ей клизму.

Вторая подружка едва сдержалась от смеха.

– И всё равно у неё живот, как у беременной.

Гарриет заиграла лёгкую мелодию.

Вошёл Уильям Пэнн.

Вздыхнул:

– С годами обаяния становится всё меньше, а весу на талии всё больше.

– Хам и брюзга. Постеснялся бы людей. Или так выглядит интерпретация идеальных семейных отношений?

– Я вообще-то о себе... Ну, вот и зима пришла.

– Ты о чём?

– Зима настала, говорю, в наших отношениях.

– Перестал любить из-за того, что я потолстела? Какая глупость! Значит, ты любил не меня, а мою телесную оболочку.

Тут в комнату постучал и с соизволения вошёл сын.

– Папа, мама, я хочу жениться на Шейле Клинджел, – с порога заявил он.

Гарриет выпроводила служанок и спросила Патрика:

– Как давно ты её знаешь?

– Только что видел впервые.

– Это не любовь. Это тебе верно фоморы вскружили голову. Как, не зная человека, желать заполучить его в спутники жизни? – отчитывала мать сына.

– Причём тут фоморы – ирландские нижние демоны, что заведуют плодородием и магией?

– А, по-моему, именно фоморы здесь постарались: на лицо – тяга к телесным утехам и магия красоты, – не сдавалась мать, – Забудь и успокойся. Она ниже нашей семьи рангом.

– А как же ваша квакерская уравниловка?

– Успокойся, – настойчиво повторила Гарриет.

– Эта девушка послана мне Богом, так зачем мне успокаиваться?

– Мой сын заговорил о Боге! Эта девушка благотворно на него влияет! Свадьбе быть, – обрадовался глава семьи.

– Я назначил смотрины на субботу, – взхлёб от радости

сообщал Патрик.

– Прекрасно! – хлопнул сына по плечу Уильям Пэнн.

Гарриет сникла. А через минуту упала в обморок.

Патрик побежал за доктором.

Муж отнёс её на кровать.

Эскулап появился, когда Уильям Пэнн привёл жену в чувство, давая нюхать специальную соль.

– Что такая болезненная? – весело осведомился врач.

– Вырождаемся, как вид... – шутила в ответ Гарриет, глянув на сына добавила, – И как класс.

Целитель достал из саквояжа куклу и попросил:

– Покажите, что у Вас болит.

Дотрагиваться до женщины, особенно знатной, не мог ни один врач, это каралось долгими годами тюремного заключения. Да и ни одна женщина не снесла бы такого позора, как ощутить на своём теле прикосновение чужого мужчины.

– Даже не знаю... Внезапно нападает страх и становится плохо. Хотя... бывает ощущение, что сжимается правая часть мозга.

– Вот как, – усмехнулся муж. – Злоупотребляешь клизмами, а отражается на мозге.

Врач осуждающе взглянул на главу колонии.

Мэри Маркхэм вошла в класс для индейцев. Множество тёмных глаз туземцев с интересом уставились на неё. Девушка пробурчала приветствие, борясь с конфузом, прошла

к доске, глядя в пол. Стала писать буквы алфавита.

За учительским столом сидел Сэмюэль Элфорд. Мэри сразу обратила внимание на небрежно причёсанные волосы молодого человека и хмыкнула:

– Вам бы парик носить, раз не дружите с расчёской. Даже у индейцев стрижки аккуратней.

Она бросила косой взгляд на Элфорда, и тут же щёки залила краска: юноша пугающе бесстыдно разглядывал кружева на вырезе её платья. «Какой испорченный типчик! Видно, что жуткий бабник... И этого господина призвали охранять мою репутацию!» – возмущалась про себя девушка.

Собравшись с духом у доски, она расхрабрилась и повернулась лицом к индейцам, которых было так много в классе, что некоторые сидели на полу. Сердито и скептически для солидности посмотрела на темнокожих людей с экстравагантными стрижками: у кого ирокез, у кого на выбритой голове хвостик, у других перья в волосах. Их кожаная одежда пахивала крепким, мужским потом.

– Поднимите руки те, кто знает английский язык, – попросила учительница.

Большинство подняли руки.

– Очень хорошо... Хотите ли вы научиться читать и писать на английском?

Индейцы быстро посоветовались и единодушно подняли руки.

На уроке они внимательно слушали Мэри и дружно по-

вторяли буквы и слова по её просьбе. Девушку воодушевила такая тяга к знаниям.

Когда Мэри Маркхэм объявила конец занятиям, и вышла в коридор, Элфорд последовал за ней, и, не обращая внимания на девушку, прошёл мимо.

– Мистер Элфорд!

– Да, мисс? – остановился молодой человек, – Говорите быстрее, я очень спешу.

– У нас упразднили лишние поклоны, но уважительное отношение к даме и коллеге никто не отменял!

– Я думаю: такому умному и бравому парню, как я, можно обойтись без такой мелочи, как обходительность. А что я сделал не так?

– А проводить даму до кареты? А пожелать всего доброго? Почему я должна напоминать Вам правила хорошего тона, будто Вы не джентльмен? – поражалась Мэри.

– Ах, извините, я думал, что квакеры упразднили любые проявления галантности... А как на счёт того, что у квакеров женщины и мужчины равны в правах? Сегодня я провожу Вас, а завтра, может, Вы проводите меня?

– Ну не хотите провожать, и не надо! Можете вообще не присутствовать на моих уроках! Не хочу воровать Ваше драгоценное время!

И девушка с обиженной миной и высоко поднятой головой направилась в выходу.

Дома Мэри жаловалась отцу:

– Папа, этот Элфорд довольно-таки нахально разглядывал меня с головы до ног! И у него совершенно нет хороших манер! Я сочла его поведение оскорбительным и заявила, что не нуждаюсь в охране.

– Да ну вас, девок! Как можно оскорбить красивую девушку повышенным вниманием? А что будешь в классе без охраны, даже лучше. Индейцы поймут, что мы им доверяем.

Мэри шла мимо Элфорда в коридоре школы, немного отвернув голову в сторону, намериваясь специально не здороваться с нахальным субъектом. Он неожиданно поймал её руку, отчего девушка вскрикнула. Не успела она забрать руку, как тот запечатлел поцелуй.

– Что Вы делаете? – изумилась Мэри.

– Целую Вам руку. И прошу прощения за все свои невежливые действия. Теперь, надеюсь, мы будем общаться?

– Вы подаёте дурной пример.

– Вовсе нет. Индейцы не станут целовать Ваши руки.

– Это почему же? – обиделась девушка.

– Они сочтут, что это межвидовое поведение белых, и не станут из гордости повторять, на их взгляд, глупые поступки.

– Вы тоже считаете, что уделять женщинам повышенное внимание – глупо?

– Вчера я подумал: «Зачем упразднять галантное отношение к даме? Если им нравится внимание – пусть получают,

это ведь такая мелочь... Бог ведь создал различия между полами».

– Вы просто двуличная двухвостка, мистер Элфорд. Зачем же притворяться? Проще вообще не общаться.

– Мисс Непредсказуемость. Ваши действия лишены смысла: то Вы обижаетесь, что я не обращаю на Вас внимания, то отчитываете за то, что пытаюсь возвысить Вас, как женщину.

Она пошла к классу. Сэмюэль Элфорд следовал за ней.

– Куда Вы? – как бы удивляясь, поинтересовалась Мэри.

– Охранять Вас.

– Не нуждаюсь. Я не боюсь своих учеников, они уважают меня. Да и здравый смысл подсказывает мне – надо держаться от Вас подальше.

– Настоящая дочь Пандоры, созданная в отместку людям разгневанными богами, чтоб нести несчастья, склоки и соблазны.

– Я не одаривала Вас, мистер Элфорд, несчастьями. Я вообще Вас не собираюсь ничем одаривать, уж слишком Вы большого мнения о себе.

– Ну и хорошо, что теперь у меня больше свободного времени, проведу лишний урок со слабой группой.

Мэри скрылась за дверью класса. Ученики приветствовали мисс Маркхэм.

Её урок закончился быстрее, и, проходя мимо класса Элфорда, она услышала какой галдёж там стоит. Затем индейцы и Сэмюэль вышли из класса, всё ещё что-то бурно обсуж-

дая. До девушки долетали слова: «луна, солнце».

Она насмешливо снисходительно заметила Элфорду:

– На моих уроках индейцы ведут себя куда спокойней.

– Во-первых, они никогда не обидят женщину, во-вторых: им откровенно скучно на Ваших уроках, – запальчиво отвечал коллега.

– Чем же Вы их так увлекаете?

– Сегодня, например, мы сравнивали мифы о строении космоса.

Индейцы переглянулись и отошли от беседующей парочки.

– Наука белых не миф, – напомнила очевидное Мэри.

– Странно, но индейцы тоже знают основы космогонии. Вращение Земли вокруг своей оси, Луна – спутник нашей планеты... Почему их шаманы не сохранили имена учёных-астрономов для своих соплеменников?

– Сами аборигены не могли додуматься до таких открытий, – уверенно заявила девушка.

– Почему Вы их так низко оцениваете? – вскинулся Элфорд.

– Ни в коем случае я не хотела занизить их, как расу. Но у индейцев же нет телескопов!

– Зачем нужен телескоп, если можно догадаться, что, раз Луна следует за Землёй, значит она – спутник?! А день сменяет ночь не потому, что Солнце ходит по небу, а потому, что Земля вращается!

Мисс Маркхэм с удивлением смотрела на разгорячённого коллегу и упорно твердила:

– А я думаю: им кто-то подсказал.

– Кто?

– Ну... были другие белые, викинги, например...

– Глупости! Викинги сами обладали скудной информацией о звёздах! Похоже, что дух противоречия просыпается у Вас всякий раз, стоит мне появиться.

– Много о себе воображаете! – хмыкнула Мэри и направилась в класс, там её ждала другая группа индейцев.

Теперь занятия посещали не только многочисленные в этих местах делавары и ирокезы, но и индейцы из дальних племён: шойены, оджибве, сенека, могавки, гуруны, чероки, каюга, онондага, онейда, могауки. Все хотели знать язык белых и обладать их знаниями. Многие вожди индейских племён лично вели переговоры с Уильямом Пэнном и дали ему клятву жить в любви и гармонии со всеми людьми.

Поздно вечером, провожая Сэмюэля Элфорда до калитки своего маленького домика на улице Сисайетти-Хилл, Ненси Дэльвин чуть не плакала от досады, и поражалась себе: зачем привечает этого парня? Он ведь совсем её не любит. Всему виной деньги. Как набраться силы воли и отказаться от соблазна держать в руках чужие звонкие монеты? Ей нравился Уильям Маркхэм, но и это преступно и греховно, ведь он женат.

– Зачем тебе этот Сэм Элфорд? Ты нужна ему, чтоб дурь спустить, а я бы замуж взял, – слышался голос из зарослей тсуги – дугласовой пихты, и к калитке вышел высокий, чернявый мужчина средних лет.

Эта золотая и желанная фраза для падших женщин сразу вселяет в них надежду на светлое будущее. На лице девушки заиграла улыбка.

– Что-то раньше я Вас не замечала...

– Зато ты мне сразу приглянулась.

– А откуда Вы знаете Элфорда?

– Мне уйти?

– Вы мой сосед?

– Я живу пока в бараке с другими приезжими, но у меня есть небольшой капитал, вот, присматриваю себе усадьбу... Хочу купить кусок земли за городом, там, я думаю, есть уголь.

– Пойдёмте пить чай, я цветы липы заварила.

Мужчина улыбнулся и шагнул во двор.

– Меня зовут Джеррард Ланкаванн.

– Хочется обстричь голову на лысо, чтоб каждый день не мучиться с причёской, – раздражённо проговорила Шейла, бросая расчёску.

Мать, что укладывала её кудри стройными рядами, покачала головой и пристыдила дочь:

– Даже отсталые дикари – индейцы ухаживают за волоса-

ми.

В комнату заглянул отец в нарядном мундире.

– Скоро вы? Вон уже карета Пэннов подъехала.

– Да всё уже, идём, – отвечала ему жена.

– Мама, ты забыла прицепить на меня ценник, – хмыкнула

Шейла.

Колин махнул рукой и вышел.

– Из Нью-Йорка едут артисты, так тебе, может, к ним присоединиться? Будешь кривляться вместе с ними, – укоряла старшую дочь Нора.

Декорум гостиной отвечал благопристойности и подобающему положению генерала Клинджела. Пэнны разглядывали фарфоровую люстру в виде белых лепестков, где были изображены золотые львиные головы. Свечи горели ярко и с треском.

Соблюдая внешнее приличие, Шейла церемонно приветствовала вместе с родителями высокопоставленных гостей. Младшие сёстры тоже упали в реверансе. Хоть эти действия и были отменены, но Клинджелы решили показать, как глубоко они уважают гостей.

– Ну, надо же, как в вашей старшей дочери слились лучшие фамильные черты, надеюсь, и лучшие качества, – восхищался красотой избранницы сына Уильям Пэнн.

– Хочу показать вам вышедшую новую книгу родоначальника античной философии и науки Фалеса, – развлекала гостей хозяйка дома.

Она раздала с полочки несколько экземпляров.

Сдержанно и солидно Шелл перелистывала печатное издание, стараясь не смотреть на жениха и его родню.

Мужчины заговорили о философии. Гарриет критично иногда вставляла фразы, выражая сомнение. Нора поддакивала всем подряд елейным голоском. Дочери Клинджелов благовоспитанно молчали.

Генерал, глядя на старшую дочь, изрёк:

– Софокл говорил: «Ум, несомненно, первое условие для счастья».

– Сомнительное заявление, – заявила Гарриет, – Я знаю кучу умных людей совершенно несчастных.

– Да уж, счастье – капризная дамочка, – вздохнула Нора.

– Каждый человек должен определиться: что хочет от жизни и стремиться к цели. Это, по-моему, и есть счастье, – высказывал свою идею жених.

Парня стали нахваливать, тот скромно отбивался от лести.

Шейла со скукой слушала Патрика. «Почему отец хочет, чтобы я непременно вышла замуж за этого зануду?» – думала она. Её подмывало сказать: «Твой папа плохо постарался, ты получился бестолковый и страшненький». Приглядевшись к мудрому губернатору, невеста с надеждой подумала: " Хотя Пэнн-старший солиден и умён, может, и Патрик со временем, станет представительным?»

Патрик потел и мял в руках шляпу. Шелл охватило дикое

желание вырвать у жениха эту шляпу, повывёрнуть из неё перья и водрузить этот перьево́й хлам ему на голову. Еле сдерживая себя, она отвернулась к окну. Нарочно зевнула.

– Мистер Патрик Пэнн, Ваши пересуды наводят на меня сон.

Изобличающий взгляд матери Шейлы грозил наказанием после ухода гостя.

– Давайте поговорим на другую тему, милая Шелли.

От слова «милая» Шейлу скривило, но девушка развернулась от окна с умело натянутой улыбочкой.

– Какие новости бродят по Филадельфии? – спасала разговор Нора.

– Из Нью-Йорка к нам едут на гастроли прекрасные артисты разных жанров, в том числе оперные певцы, – поведал Уильям Пэнн.

– В самом деле? – ахнула миссис Клинджел, будто действительно впервые слышит такое сообщение.

«Вот в кого я такая притворщица», – поняла в кого у неё природный дар лгать Шейла.

Хозяйка дома пригласила всех к столу.

Уильям Пэнн за столом повёл беседы об укреплении семьи.

– Зачем следовать старым традициям и ждать свадьбы длительное время? – говорил он, – Может, стоит назначить главное событие для новой семьи на ближайший месяц?

Родители Шейлы были согласны.

– Прекрасно! Мы достигли консенсуса! – потирал руки губернатор.

Зардевшийся от радости Патрик поглядывал на невесту и не видел того же смятения чувств, не видел заинтересованности в глазах, но эту холодность он списывал на хорошее воспитание, ведь его избранница настоящая, сдержанная леди.

Задумчивая младшая сестра, опустив скромно голову, казалось, сосредоточенно изучает содержимое чашки. Шелли усмехнулась: «Чаинки считает».

Патрик достал из нагрудного кармана две серьги, перевязанные алой ленточкой, протянул невесте.

– А пока хочу подарить Вам эту безделицу, – проговорил парень.

– Голубые корунды! – восторженно вскричала жена генерала.

Но Шейла не спешила брать подарок. Она, будто окаменела.

– Да, сапфиры очень эффектно подчеркнут голубизну глаз Шейлы, – с улыбкой поддакивал мистер Клинджел, и незаметно толкнул локоть старшей дочери, чтобы та брала презент.

Мать невесты умиротворённо тихо смеялась, наклонив голову на бок.

– Стоит ли так спешить? – испугалась Шейла.

Преувеличенно бодрым голосом Колин успокаивал при-

сутствующих:

– Боязнь девушки можно объяснить: нелегко создавать новую семью.

Родители стали обсуждать детали будущего праздника, назначать дату. И Шейла смирилась с неизбежным. В ней заработала творческая жилка: фантазия рисовала ей подвечный наряд.

Миссис Пэнн шепнула сыну:

– Убери шоры с глаз, эта девица не любит тебя.

– Я это вижу, – раздражённо шептал Патрик в ответ, – Ничего страшного. Она подходит мне, потому что нравится.

Уильям Пэнн шепнул-заметил жене:

– Сарказм здесь неуместен, впору плакать.

Когда гости ушли, Шейла заявила отцу, что хочет ехать за покупками в большой город.

Глава семейства не понимал дочь:

– Зачем ехать так далеко? Барахла на рынке предостаточно.

– Папа, ты хочешь, чтобы твоя дочь оделась к свадьбе на нашем городском Итальянском базаре? – замахала руками избалованная Шейла.

– А чем плох рынок Филли?

– Колин, и ты уже, как все, уменьшаешь название города, – ворчала Нора.

Старшая дочь доказывала свою правоту:

– Да Итальянский рынок захламлён вещами, которые

шьют сами итальянцы, а не мастера из Франции!

– Какая разница? – не понимал очевидного отец.

– О! Разве мужчинам дано понять нас? – закатила глаза дочь, – Даже Мита Маркхэм одевается в других городах, а я чем хуже?

– Хорошо, ты поедешь за свадебными аксессуарами куда захочешь, и не потому, что я плохой квакер, гонящийся за модой, а потому, что я – любящий отец.

Мать, нежно положив руку на спину старшей дочери, спрашивала её:

– Ты пригляделась к жениху? Изменила своё предвзятое мнение о нём? Он был таким искренним и трогательно взволнованным.

– Да, он несдержан! Эмоции фонтаном бьют из него, будто он происходит из самых низов иерархии сословий, – выдала мнение Шейла.

– Волнение говорит о глубоких чувствах, о неумении лицемерить, – высказал своё познание о жизни отец.

Нора подхватила:

– Да, эмоционально открытый мальчик. Многие девицы выходят замуж за женихов гораздо старше себя, тебе же просто повезло. А теперь, девочки, идите, мы с отцом обсудим дела.

Дочери вышли из комнаты.

Колин глядел на осунувшееся лицо жены, последнее время морщины явственнее проступили на нём.

У него вырвался возглас:

– Казалось бы ты создана для горя и несчастий, а пожинаяешь плоды благ.

– Думаешь, легко оставаться худой? Я знаю, что ты любишь худышек, потому после обильного обеда, зачастую бегу в ванную комнату, чтобы вызвать рвоту. Теперь её и вызывать не приходится, она стала рефлексом.

– А употреблять меньше пищи не пробовала?

– Тогда нет чувства насыщения...

– Шелли похожа на тебя.

– Ты мне льстишь.

– По характеру, конечно. Такая же необузданная, своенравная и свободолюбивая.

– Раньше ты никогда не ругал мой склад характера.

– С годами пришло прозрение. Ты – наглядный пример того, что нельзя позволять женщине выходить за пределы дома.

– Что же я делаю недопустимого?

– Все эти писатели, торговцы, что вьются возле тебя в магазине и в типографии...

– Ты ревнуешь? – поразилась женщина, – Ты во мне неуверен?

– Конечно! Ты же общаешься с противоположным полом!

– Здесь нет рабов. Это земля свободных людей, – сказал Уильям Пэнн чернокожему человеку и дружелюбно хлоп-

нул гиганта по плечу.

– И меня никто не выдаст? – всё ещё не верил своему счастью негр.

– Никто, – заверял губернатор.

И руки держащих беглого негра людей разжались.

Дождь сеял капли на землю, но никто не замечал промозглости.

– Это как-то неправильно... – неуверенно подал голос спикер ассамблеи богатей Давид Ллойд, – За этого парня некто выложил немалую сумму денег...

– Нельзя продавать людей, – вскинулся управитель колонии, – Вы ещё увидите: наши начинания перевернут Америку, глядя на нас, до людей дойдёт, что рабство – позор для честных людей. Никто не давал никому права командовать другими людьми

– Мистер Пэнн, Вы садите семена будущей революции. Называть негров равными белым! – не мог приблизиться к уровню сознания губернатора Ллойд.

– Идёмте на духовное собрания, братья, – позвал обоих губернатор, – И запомните: квакеры против рабства.

Сидя на последнем ряду в зале Конгресса для собраний, Олдос Фозергилл рассказывал брату:

– Отец Уильяма Пэнна отвоевал и захватил Ямайку. Огромное приобретение для Англии. Уильям Пэнн учился во Франции и Италии, хотя, говорят, из Оксфорда его вы-

гнали. Но он с детства был далёк от народа.

– Брось, зато сейчас он тратит огромные капиталы на обустройство Филадельфии, – защищал губернатора Фонеас Фозергилл.

– А шерифы тем временем за его спиной обманывают и обкрадывают, главный землемер Эдвард Пеннингтон не просто взяточник, а гнусный вымогатель.

Губернатор начал выкладывать перед аудиторией свою концепцию взглядов:

– Бог создал мир, и всё в нём божественно, пропитано его духом, значит, взывая к Всевышнему, мы можем получить ответ через того, кто вдохновлён Внутренним светом.

Из толпы новоявленных переселенцев послышалось:

– Ахинея!

– Вздор!

Кто-то даже крепко высказался в адрес Пэнна.

– Не сквернословь, уважай всех людей Земли, ибо в каждом из нас – часть Бога, уважая других людей, ты будешь уважать Бога, – вразумлял хулигана Маркхэм.

Прагматик и пессимист сэра Рассел Дафф прямо отрицал новый подход к религии:

– Взывать к пустому космосу – антинаучно.

Управитель колонии укорял скептика:

– Учёный человек, а говорите чушь... Как космос может быть пуст? А другие планеты – соседки Земли? А звёзды и невесть какие силы и материи? Что там за пределами Сол-

вечной Системы? И разве в молитвах мы не призываем святых? Мы взываем к их душам, а ведь их уже нет на земле, они, как раз, где-то в космосе.

– Уважаемый губернатор ничего нового не придумал, оракулы были и в древнегреческих храмах, – напомнил Сэмюэль Элфорд.

– Да, и это называется эзотерика и оккультизм, – хмыкнул Дафф.

– Это сейчас церковники называют мистику и искусство прорицания обидными прозвищами, а ведь первые христиане-гностики все были мистиками, – вспоминал историю Маркхэм.

– И Иуда у них был героем, освободившим искру Бога – душу от бренности тела, – не унимался Дафф, – И к чему приведёт почитание Иуды? Разве зря Иереней из Лиона отверг евангелие от Иуды, где Иуда представлялся, как правая рука Иисуса.

– И по тому евангелию Иуда следовал велениям самого Иисуса, он был посвящён в тайну мироздания, – подхватил Маркхэм, а Клинджелу возмущённо шепнул, – Дафф пропитан скептицизмом, как губка.

Фонеас Фозергилл взял слово, вспоминая места из «Библии»:

– Я верю мистериу Пэнну, ибо пророк Иезекииль тоже выпускал в себя духа, когда общался с Господом. Его слова: «И когда Бог говорил мне, вошёл в меня дух...»

Рассел Дафф продолжал протестовать:

– Демагогия. Какие хотите выдвигайте гипотезы, но в этом мире белое останется белым, а серое серым!

Джон Эванс подхватил идею губернатора:

– Шаманы для предвиденья используют тот же ритуал. И буддистский лама борется со злыми духами, возвращая украденную душу, читая молитвы... И исламский мулла, требует жертвоприношения бараном или петухом, вступая в диспут с духами.

Пэнн продолжал развивать свою теорию:

– Наш мир разделён на две взаимодополняющие субстанции: материю и энергоинформационное поле, называемое древними эфир. Почерпнуть знания из этой субстанции – наша задача.

– Эта теория уже была, называется дуализм. Но там два независимых начала: материя и дух, – вспоминал философию спикер ассамблеи Давид Ллойд, – Современным людям больше присущ монизм, признающим основой мира одно начало – материю или дух.

– Скорее всего истиной окажется плюрализм – множественность начал, – пожал плечами Элфорд.

– Кого же вы выберете Гласом Небес? – спросил Дафф.

– Я хочу найти свою концепцию ценностей среди хаоса жизни, – подала голос Ферджи Уэллинг, дама, сбежавшая от мужа, которой помогли деньгами квакеры.

– Я уверен: небеса Вам помогут, – ободрял её губерна-

тор, – Ясный свет высшего понимания уразумели и ранее: миссионеры, что возвращались из Восточных стран, рассказывали о мудрецах, которые постигали смысл бытия.

– Я хочу достичь духовного просветления, – искренне желала Уэллинг.

Пэнн вдохновился своей идеей:

– Интуитивное поле души отыщет присутствие в эфире вокруг нас ангела и передаст послание Небес.

Ферджи Уэллинг тихо сказала:

– Чтобы быть услышанной небесами не обязательно кричать, я буду просить ангелов о совете молча.

– Это ни что иное, как смелый эксперимент на людях! – выкрикнул Дафф.

Но никто на него не обращал внимания, все взоры были направлены на милостивую женщину, взывавшую к небесам. Её напряжённое лицо понемногу обретало спокойствие.

В полной тишине слова Ферджи зазвучали торжественным набатом:

– Раскрыть в людях то, что от Бога. Человечество должно стать аккумулярующей силой для поднятия духа. Правильное начало: в расах нет антагонизма, нет разделения, все равны в глазах Создателя.

– Вот оно внутреннее озарение! – плакал слезами блаженства Уильям Пэнн.

– Гипноз! Это был гипноз! Женщину ввели в гипноз! – кричал неверующий Дафф.

– Это было чудо, – восхищался Колин Клинджел.

– Женщина стала субъективным источником силы божественной воли, – под впечатлением сказал Маркхэм, – Я уверен, она ранее слов-то таких не знала.

– Это утверждение крайне шаткое, не закреплённое фактами: миссис Уэллинг могла прикидываться, чтобы стать известной, – возразил спикер ассамблеи Давид Ллойд.

Губернатор вскричал:

– Нам провидение Господне дало доказательство существования Высшего Разума, а вам этого мало?! Отныне будем еженедельно проводить молчаливое собрание и ждать, пока на кого-нибудь ни снизойдут откровения ангелов. У нас нет алтаря, не будет и молитв и хоровых гимнов.

Спикер ассамблеи переспросил:

– Будем голосовать за выбор новых правил?

– К чему голосования? Это устаревший метод. Глобальные решения надо принимать всем миром, будем спорить и обсуждать, пока не достигнем консенсуса, – заявил глава колонии.

– Абсолютного единства быть не может, кто-нибудь да покривит душой, – качал головой спикер Ллойд.

– Ради чего?

– Корысть разная бывает.

Люди продолжали спорить.

Оппоненты предъявляли претензии квакерам:

– Да вы же заимствовали у индейцев шаманство!

– С какой стати? У нас своя религия. Древняя и самая верная. Выверенная строго по «Библии». Священники переделали на свой лад религию, появились новые течения: католичество, православие, протестантство...

– А эти разговоры с духами? Разве шаманы делают нечто другое?

– Шаман вызывает духов и путешествует духом в нижнем, загробном мире, нам же послания нисходят свыше.

– Но суть-то одна! Вы опустили в глубину веков, когда древние греки и римляне слушали медиумов и оракулов.

– Тогда тоже никто не сомневался в могуществе ясновидцев.

– Это не по-христиански – заглядывать в будущее.

– Да что вы! Многие главы «Библии» занимают предсказания и видения будущего, тот же Апокалипсис и предначертания золотого века.

– Вы идёте по ложному пути. Слово «дьявол» переводится с греческого, как «клеветник». Вы обманываетесь в своих выводах.

Но было много и тех, кто вступил в ряды квакеров.

Дафф дал определение таким людям:

– Идеологическое замешательство ведёт на путь маниакального подчинения.

Сэмюэль Элфорд сидел в задумчивости и произнёс сидевшему по соседству секретарю совета Джеймсу Логену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.